Она написала любовь

Автор:
Тереза Тур

Она написала любовь

Тереза Тур

«Она написала любовь» – фантастический роман Терезы Тур, жанр детективное фэнтези, любовное фэнтези.

Что нужно, чтобы изменить свою жизнь? Вырваться из привычного круга, где тебя не ценят? Где ты много лет помогаешь мужу писать самые продаваемые в королевстве книги, но об этом никто не знает, а муж… предает, его родственники относятся с презрением?

Может быть… покушение на убийство. Потому что когда ты оказываешься на грани жизни и смерти, все становится ясным: книга должна быть твоей собственной. Реальная жизнь – интереснее выдуманных историй. А твой спаситель – загадочный канцлер в отставке, что соглашается тебе помочь разобраться с врагами, он… Кто он теперь для начинающей писательницы, которая пытается разобраться со своей жизнью?

Тереза Тур

Она написала любовь

© Тур Тереза

© ИДДК

Глава 1

– Многоуважаемая Эльза, вот позвольте поинтересоваться, что вы там забыли?

Никто не откликнулся на эту преувеличенно-любезную реплику.

– Посмотрите, Грон, как ветрены женщины. Даже лучшие из них!

Огромный черный пес подошел поближе и ткнулся квадратной мордой в руку хозяина. Усы и борода забавно топорщились. Кустистые брови высоко поднялись – пес тоже удивлялся поведению Эльзы, явно сочувствуя мужчине.

– Эльза, дорогая, начинается дождь. Вылезайте из кустов! Сейчас же!

Ветки затрещали, словно в зарослях ворочался большой медведь. Раздались тяжелые вздохи. Однако никто так и не появился.

– Ну что же, пойдемте, Грон, посмотрим, что там обнаружила наша непослушная дама.

Из-за живой изгороди, что в осенних сумерках казалась непроходимой стеной, снова донесся долгий выразительный вздох. Должно быть, Эльза так выразила свое отношение к мужскому эгоцентризму.

Хозяин собак покачал головой и отправился вдоль зарослей, что отмечали границу его владений. Лезть напролом через кусты он не собирался.

Шагал не торопясь, привычно опираясь на трость. На первый взгляд, этого мужчину можно было бы назвать привлекательным. Хорошая тренированная фигура. Ясные серые глаза. Но… Слишком бесстрастное выражение лица. Слишком ядовитая полуулыбка на поджатых губах. Безукоризненно строгая выправка – штангенциркуль загнулся бы от зависти…

– Ну, и что у нас тут?

Эльза была той же породы, что и Грон, только чуть помельче. Треугольные уши высоко поднялись, пимпочка хвоста заходила в извинениях.

– Я оценил степень твоего раскаяния, – усмехнулся хозяин. – Показывай.

Собака отступила. И мужчина, приглядевшись, увидел серый комок с белым пятном лица и светлыми волосами. В вечерних сумерках осеннего вечера, среди нарядных золотых листьев, тело женщины смотрелось как-то особенно неестественно и дико.

– Вот только трупа на моих землях недоставало, – недовольно проворчал мужчина. Девушка – тоненькая, хрупкая, лежала на боку, поджав ноги и обхватив себя руками, в последней, отчаянной попытке согреться.

– Ладно, – вздохнул мужчина. – Не оставлять же ее здесь. Придется вызвать полицию. Отвечать на вопросы…

Он достал из кармана тонкую металлическую пластину, блеснувшую отполированным серебром в лучах заходящего солнца.

Эльза укоризненно посмотрела на хозяина. И снова тяжело вздохнула.

– Что? – удивленно посмотрел на нее хозяин. – Ты хочешь сказать, что она жива?

Мужчина неторопливо убрал пластину в карман, стряхнул с руки перчатку, опустился на колено, оттянул высокий воротник блузки и прижал пальцы к шее девушки. Через долгое-долгое мгновение он почувствовал, как что-то дрогнуло в глубине.

Хозяин поместья и собак поднялся, скривился и задумался.

Неясные, призрачные сумерки, щедро пропитанные недавно прошедшим дождем. Запах осени. Чудесный вечер. Он любил вечерние прогулки с Эльзой и Гроном. Одиночество. Покой, который он, несомненно, заслужил. И вот…

– Пожалуй, это самый оригинальный подход. Так ко мне убийц еще не засылали, – проговорил он наконец.

Грон угрожающе зарычал, Эльза посмотрела на хозяина со странной смесью жалости и иронии. Потом немного подумала, пытаясь все-таки разобраться в своих чувствах, и наконец проявила свое возмущение, громко и выразительно чихнув.

– Ты хочешь сказать, что не чувствуешь угрозы? Ну что ж… У профессионала может и не быть ко мне враждебных чувств, такое уже было.

Собаки, в тот раз только чудом успевшие спасти хозяина, напряглись.

– С другой стороны… Может быть – просто барышня в беде. Сбежала, наверное, от нелюбимого жениха! По возрасту для подобной дури вполне подходит.

Эльза и Грон насмешливо фыркнули, одинаково оценивая человеческую глупость…

Мужчина натянул перчатку. Положил трость на землю.

– Ладно, в любом случае подобная находчивость должна быть награждена… Будем считать, что меня заинтриговали.

Он легко поднял девушку, закинул себе на плечо. Ее шляпка слетела и покатилась, как перекати-поле, подхваченная ветром.

– Домой! – скомандовал мужчина. – Эльза, трость захвати!

Эльза метнула на Грона быстрый обеспокоенный взгляд, что означало: «Возьми трость, будь другом – я сейчас!», и унеслась за шляпкой таинственной незнакомки, попавшей в беду.

* * *

– Что вам угодно от доктора мертвых, господин барон? – поприветствовал его невысокий, начинающий полнеть мужчина, что ждал возле «кристаллического» экипажа – штуки неприлично дорогой и очень популярной в королевстве Отторн. Вместо лошадей в экипаже использовали магическим образом выращенные

кристаллы бериллия. Поговаривали, что именно это изобретение помогло выиграть Десятилетнюю войну.

– Что же вас, мой дорогой доктор Фульд, понесло в судебную медицину? Лечили бы живых – ручаюсь, у вас была бы обширная практика.

– Ах, дорогой барон! После всех наших… приключений хочется общаться лишь с умершими. От них, по крайней мере, никаких сюрпризов не ждешь. Не то, что от живых.

И доктор машинально потер страшный шрам от ожога по всей левой стороне лица.

– Ваш выбор. К делу.

– Слушаюсь, – подобрался доктор.

Они зашли в дом – свет приветливо зажигался по ходу их движения. Дошли до гостиной. Хозяин сгрузил свою ношу на диван.

– Посмотрите, кого Эльза нашла на границе моих земель.

– Вижу, – спокойно откликнулся странный доктор. – Это госпожа Агата. Агата фон Лингер. Ваша соседка.

– Даже так? – удивился хозяин поместья. Слова доктора опровергали его предположения о том, что найденная девушка – либо наемная убийца, либо сбежавшая от родителей дурочка.

– Она пропала сутки назад. Объявлена в розыск по подозрению в убийстве мужа.

Барон, который редко ошибался в людях – и во многом благодаря этому был еще жив, – недовольно покачал головой. Теперь ему стало интересно, ошибся ли он с возрастом дамы:

– И сколько ей лет? – максимально незаинтересованно поинтересовался он.

– Тридцать, я полагаю. Или около того.

Господин барон постарался проигнорировать ироничный взгляд своих собак. Хватит и того, что ему часто казалось, будто они гораздо умнее людей. По крайней мере, умнее его самого.

– Смотрю, вы надели на нее кулон отсрочки смерти? – чуть улыбнулся доктор, явно получая удовольствие от замешательства хозяина дома.

– Чудесное изобретение, доктор! – пришел в себя барон, стараясь, чтобы в голосе звучала ирония. – Позвольте еще раз выразить вам свое восхищение. На четыре-пять часов остановить все поражающие организм факторы – это просто чудо.

– Конечно, – проворчал доктор. – Если уж пострадавшая дожила до встречи с вами, было бы нелепо не дать ей дожить до встречи со мной.

Между тем доктор Фульд достал из маленького саквояжа прозрачную, светящуюся изнутри широкую пластину.

Барон молчал. Доктор, напряженно всматриваясь в пластину, провел ей от затылка женщины до самых пяток. Хмыкнул. Поморщился. Еще раз вернулся к гортани, пищеводу. Крутя пластину и так, и эдак, особое внимание уделил желудку. Привычно потер шрам… Достал из саквояжа еще одну пластину – поменьше, и длинную, тонкую иглу в специальном футляре.

Помассировал девушке прозрачную руку, уколол тонкий пальчик, с трудом выдавил капельку крови, ловко нацепил на глаз увеличительный кристалл, вставленный в черный конус. Сощурился. Насторожился. В этот момент доктор был похож на Грона, который учуял нарушителей охраняемой территории. Барон невольно улыбнулся.

– Вот странно… – выдохнул Фульд наконец.

– Что именно, доктор?

– Ну, переохлаждение – это понятно. Как я понимаю, несчастная то брела, то падала, теряя сознание. Окончательно отключилась часов десять назад. Скорее всего, там, где вы ее нашли. В легких уже есть очаг воспаления… Но…

Фульд вытащил увеличительный кристалл из глаза и удивленно посмотрел на барона.

– Госпожу Агату… отравили!

– Может, сама?

– Не думаю. Барышни в таких случаях обычно предпочитают снотворное.

– В самом деле? – Барон усмехнулся.

– Да. Очень непрактично. Приходится тратиться – доза должна быть запредельно высокой, чтобы добиться летального исхода. Хотя… Для демонстративного суицида, с целью давления на окружающих – идеальный вариант. В основном подобные особы именно этого и добиваются. Жаль только, что после подобных попыток молодые здоровые женщины получают кучу неприятностей. Проблемы с памятью, зрением, сном.

Доктор осуждающе покачал головой.

– А вот если бы ее хотели отравить домашние, то использовали бы крысиный яд. Есть в каждом доме, смертность для людей стопроцентная. Если правильно дозу рассчитать…

– Но, судя по всему, это и не снотворное, и не отрава для крыс?

– Вот это и странно! – Доктор назвал армейский препарат, который использовали диверсионные группы обеих враждующих сторон, чтобы отравить источники воды.

– «Водяная Смерть»?! Но где она ее достала? – изумился хозяин дома. – Если, конечно, травилась сама. Или где его достали те, кто собирался убить бедняжку?

– То-то и оно…

– Очень любопытно. А живая она почему?

– Холод замедляет действие, – с укоризной посмотрел на барона доктор, словно тот должен был знать не только свойства, но и особенности всех отравляющих веществ.

– Ясно. И что теперь?

– Ничего, – стал убирать свои волшебные приспособления доктор. – Сколько прошло с того момента, как вы надели на нее кулон? Час? Значит, осталось три. Потом – стремительное удушье и все. Остановка сердца. Можно, конечно, вынести несчастную на холод… Однако этим мы лишь продлим агонию.

Он посмотрел на барона – точь-в-точь Грон, когда тот по молодости рычал на всех близко подходящих людей без разбора. А потом подбегал к хозяину извиняться за несдержанность.

– Я составлю официальное заключение, – продолжил доктор торопливо. – Пусть хоть с бедняжки снимут обвинение. И прослежу, чтобы это преступление было расследовано как следует.

Барон по-прежнему пребывал в глубокой задумчивости. Потом вздохнул, словно очнулся. И решительно сказал:

– Нет.

– Что? – удивился доктор Фульд. – Не надо заключения?

Хозяин дома достал пластину, набрал комбинацию цифр. Спустя несколько гудков его настороженно спросили:

– Господин барон?

– Да, именно.

И собакам, и доктору показалось, что они увидели воочию, как собеседник (который до этого, должно быть, мирно ужинал) подскочил, стряхнув салфетку на пол и вытянулся по стойке смирно.

– Мне нужна от вас любезность, мой дорогой Петер.

– Чем могу служить?

– В вашей конторе есть противоядие от «Водяной Смерти»?

– Эту гадость еще используют? Ее же запретили по последней конвенции об отравляющих веществах. И даже, как ни странно, все страны придерживаются этой резолюции. Отрава, действительно, страшная!

– Похоже, ее стали использовать в частном порядке. Что, как вы понимаете, меня весьма раздражает.

– Я вас понял, господин барон. Противоядие есть. Но оно… слишком экспериментальное.

– Сойдет и такое. Выбора у нас все равно нет.

– Мы немедленно начнем масштабную проверку запасов, господин барон.

– Сделайте это по-тихому, без помпы. И пришлите своих следователей в марку Орнока. Под видом частных лиц. Пусть разберутся, что у нас происходит. И – не сочтите за труд – отправьте мне копии отчетов.

– Слушаюсь.

– Оставьте это, Петер. Я теперь частное лицо. И еще – по поводу противоядия. Оно мне необходимо через два часа.

– Кулон отсрочки смерти?

– Именно он. Хорошего вечера.

И барон нажал на кнопку, выключая связь.

Глава 2

– И вы не знаете, что случилось с вашим супругом, госпожа фон Лингер?

– Нет. Я знаю лишь то, что он не пришел домой ночевать. На связи его тоже не было. Я забеспокоилась и обратилась в полицию.

– Свидетели говорят, что в последнее время вы с супругом ссорились.

– Не больше и не меньше, чем любая супружеская пара после семи лет совместной жизни, – спокойно ответила женщина.

– А вчера?

– Вчера… Людвиг с утра уехал в город. Сказал, что у него дела. Я этим была не очень довольна. У нас – книга, сроки.

– Вы работаете вместе?

– Мой муж – знаменитый писатель, лауреат Королевской премии. Я – его помощница.

– То есть? Что вы имеете в виду? Тоже… пишете?

– И это тоже. Секретарь. Иногда – нянька. Часто – тиран. У нас более чем щедрая оплата, но жесткие условия контракта. Мы не можем себе позволить работать по принципу – «пойдет» текст или нет.

– То есть, если бы не кровь на сиденье экипажа и вокруг него, то можно было бы предположить, что ваш муж просто все бросил и уехал. Так?

– Я могу только надеяться, что он жив. Что кровь – не его, – еле слышно отвечала женщина.

– Кто еще проживает в поместье?

– Мать моего супруга. Она вдова. Еще – ее старшая дочь. С сыном. Они с мужем разъехались в этом году, и она приходит в себя. Младший брат мужа также гостит у нас.

– Но дом принадлежит вам?

– Да. Мне и моему мужу. Недвижимое имущество у нас общее.

– А ваша семья?

– Поместье моих родителей было на линии высадки десанта имперцев в марке Нея.

– Сочувствую, – проговорил следователь.

Действительно, во время этой высадки оклеровские солдаты уничтожали все на своем пути.

Госпожа Агата неспешно кивнула, принимая соболезнования.

– Послушайте, госпожа фон Лингер, а что с вашими счетами? – продолжал следователь.

– Деньгами занимался муж. У меня есть свой счет, хозяйственный. И тот, на котором лежат деньги, оставленные мне покойными родителями. Я знаю, что мы обеспеченные люди. Вот – поместье купили в прошлом году. Землю с виноградниками…

– Вы достаточно спокойны.

– Если бы я билась в истерике и поминутно теряла сознание – было бы лучше?

– Так она его и убила, – громко и безапелляционно заявила пожилая полная дама, распахивая дверь в комнату.

– Добрый день, фрау фон Лингер, – вежливо поднялся следователь. – Будьте любезны, мне необходимо закончить беседу с вашей невесткой.

– Беседу?! Какую еще беседу? Я требую, чтобы вы арестовали эту мерзавку! Это… это она… О! Мой бедный мальчик! Мой сын! – Женщина опустилась на небольшой диванчик, вскинув голову и прогнувшись в том месте, где должна быть талия. Диванчик жалобно всхлипнул.

Фрау Агата привычно и устало смотрела на свекровь.

– Она присосалась к нему, как пиявка! К моему бедному, доверчивому, талантливому мальчику! – Полные пальчики фрау пощекотали воздух, намекая следователю о том, что даме неплохо бы подать стакан воды.

Следователь потянулся за графином, бросив едва заметный взгляд на госпожу Агату. Та поморщилась, вздохнула и, откинувшись в кресле, положила руку себе на лоб. Дамы явно раздражали друг друга.

– Мда… – выдохнул следователь, протянул женщине стакан с чистой прохладной водой, а про себя подумал: «Мальчик… Как бы не так!» – С личным делом лейтенанта в отставке фон Лингера он уже ознакомился.

Тридцать лет, военная академия – ускоренный выпуск, правда… Воевал, тяжелая контузия. Год был адъютантом при штабе фронта. Скрывал свое состояние, чтобы не комиссовали. Отправлен в отставку по состоянию здоровья. Женился на выпускнице филологического факультета столичного университета. Стал автором популярнейших в королевстве книг про агента фон Церга. Пару месяцев назад переехал с супругой из столицы сюда, на юг, в марку Орнокс, поближе к морю. И вот теперь – пропал.

– Его убила она! – продолжала бушевать мать фон Лингера, жестом предлагая забрать у нее стакан.

– Вы знаете, вашего сына еще не нашли. Пока идет поисковая операция. И потом, вам не кажется, что ваша невестка слишком хрупкая для того, чтобы нанести рану мужчине, тем более военному?

– Значит, она наняла наемных убийц!

– Как жаль, что подавать на родственников в суд считается дурным тоном, – тихо проговорила госпожа Агата. Ее свекровь чуть не задохнулась от возмущения, но так и не нашлась что сказать. Хозяйка дома поднялась. – Господин следователь, я вызвала нашего поверенного, как только он приедет – появится у вас. Я была бы очень вам признательна, если бы все вопросы мы решали через него.

– Благодарю вас за беседу. Однако должен сказать, что вам, как и всем обитателям дома, запрещено покидать границы поместья. До выяснения обстоятельств исчезновения вашего супруга.

Госпожа Агата склонила голову и вышла.

Спустилась на кухню. Несмотря на то, что в доме обитали почти все родственники мужа, угол кухни, тот, что ближе к камину, негласно оставался только ее территорией. Там стоял… Чай-шкаф. Редко где можно встретить такое, разве что в чайной лавке. Хозяин одной из них и помог Агате выписать это диковинное чудо из столицы. Отторнский белый дуб, ручная работа. Артефакты, встроенные в ящички и полочки, позволяющие сохранять оптимальную температуру для сухих трав, специй и настоек. Баночки валльского хрусталя. Все это стоило немалых денег, конечно. Но ведь она работала над книгами ничуть не меньше мужа, а значит, заслужила маленькие радости!

Травы были ее страстью. Агата знала рецептуры чайных сборов и способы их заваривания. Не меньше тысячи уж точно! Раз даже победила в конкурсе женского кулинарного журнала «Ароматный пар» на рецепт лучшего сбора от головной боли. Правда мужу признаться в этом не решилась. Он регулярно пил ее отвары, снимающие мигрень и помогающие уснуть, но к этому ее увлечению относился весьма скептически.

– Здравствуйте! – чуть поклонилась она крошечным пузырькам, хранившим за хрустальными гранями покой, бодрость, наслаждение, дельные мысли и сладкие

сны. – Помогите, пожалуйста! Сегодня мне как-то особенно тяжело…

Слуги привыкли, что чаи она себе заваривает сама, поэтому никогда не беспокоили. Рука сама потянулась к верхней полке – там располагались редкие травы.

Маленький заварной чайник риберского камня уже грелся на спиртовке.

– Так… Что тут у нас? Собачьи ушки, слезы ветра, цветы рутинника и пряный дунник. – Отвар должен был успокоить, расслабить, привести мысли в порядок.

Немного подумав, за основу взяла розовый чай. Банку с цукатами ровики – для поднятия настроения. Взяла чашку, опустилась в кресло у камина, сделала несколько осторожных глотков и задумалась.

«Людвиг, где же ты? Как так получилось? Мы считали, что главное – добиться успеха. Заработать много денег. Девочка-сирота после университета. Комиссованный лейтенантик с бешеными приступами головной боли. Денег вечно не хватало. Ты запретил мне трогать родительское наследство… Сказал: «Мы всего добьемся сами!» И понеслось! Арендованная под самым чердаком комнатка, где мы были так счастливы. Первая книга. Чистка формы перед тем, как идти в издательство…»

Агата вспомнила, как она, нервничая, выронила щетку, которой в тысячный раз смахивала с золотых эполет несуществующие пылинки, как муж не дал ее поднять, подхватил на руки, закружил, а потом… Сердце сжалось, в носу защипало, но она заставила себя отбросить лишние эмоции, продолжая вспоминать дальнейшее развитие событий, пытаясь найти хоть что-нибудь. Хотя бы маленькую ниточку, за которую можно было бы потянуть, чтобы распутать этот чудовищный, запутанный клубок.

Дальше. Успех. Деньги. Награды… Вдруг объявившиеся родственники мужа.

«Почему же ты не защитил меня от них тогда? От этих постоянных оскорблений, от того, что они все время тянут с нас деньги…?»

Поместье и земли вокруг они, как потом оказалось, взяли в кредит. У сестры Людвига случилась личная драма – ушел муж. Спасти ее могла лишь крупная сумма, и Людвиг отдал все, что они скопили. Вместе скопили!

Агата пила чай, мысленно ругая себя за эгоизм: Людвиг пропал, неизвестно, что с ним, а она думает про родственников и деньги…

В доме оставаться было невозможно. Она чувствовала, как половицы и ступени стонут от чужих людей. Людей, которые ей чужды.

«Интересно, если я выйду из дома и дойду до конца дубовой аллеи, чтобы прижаться лбом к самому огромному дереву – это будет расценено как побег?»

Подниматься за верхней одеждой не было сил… Ярко-синее небо со слепящим солнцем – будто и не ноябрь вовсе – манило, звало, улыбалось. Обещало спасение. И Агата вдруг поверила. Небу, солнцу, деревьям, уже увядающим, но все еще таким прекрасным, нежным осенним цветам на клумбах сада.

Уже у самого выхода машинально схватила шляпку – маленький модный цилиндр, который купила перед самым отъездом из столицы. Выскользнула из дома – и пошла… Вперед. Не оглядываясь. Холод мгновенно сковал тело, но вместе с тем подарил удивительную свободу! Она улыбнулась, полной грудью вдохнула осенний воздух, но вместо спасительной прохлады вдруг почувствовала нестерпимый жар. Огонь обжег легкие, ступни и ладони. Боль… Невыносимая боль взорвала тело. Задыхаясь, она пыталась плакать, но слезы сразу высыхали, превращались в колючую соль, белыми дорожками стягивая кожу.

Агате мерещились люди. Обеспокоенные. Один из них, знакомый доктор, что раз в неделю обедал у них в доме, говорил:

– Эрик, опомнитесь! Отпустите ее! Это будет милосерднее.

Другой, удивительно похожий на бывшего канцлера, которого она один раз видела на приеме – мужу вручали Королевскую премию, и они были приглашены во дворец, упрямо сжимал губы в тонкую белую полоску, и отрицательно качал головой.

Это был странный бред. Еще в нем были две черные собаки. Одна побольше, другая – поменьше. У нее никогда не было собаки. Муж собак не любил, а ей так хотелось! И чтобы непременно низерцвейга… Эту редкую и очень дорогую породу могла себе позволить разве что высшая аристократия королевства. Ходили слухи, что низерцвейги – порождение магии, что они чувствуют, как ты относишься к их владельцу, и способны перегрызть горло за одни лишь дурные мысли о нем. Ей бы такая собака не помешала. И дело вовсе не в деньгах или престиже! Просто ей всегда нравились их длинные, торчком стоящие ушки. А еще низерцвейг, если бы он у нее был, непременно защитил бы свою хозяйку! И горло перегрыз. Кое-кому…

Картинка была размыта, но все же госпожа фон Лингер видела, как собака, та, что помельче, посмотрела на нее с сочувствием. Агата всматривалась в ее янтарные глаза – и становилось легче…

– Как вы? – спросили у нее.

И она поняла, что очнулась.

Глава 3

Дом был старым и каким-то неухоженным. Если бы Агате пришло в голову написать роман о привидениях – они бы обязательно обитали в таком вот доме…

Но привидений не было. В доме жил мужчина с собаками. Барон Эрик фон Гиндельберг. Бывший канцлер их королевства – Великого Отторна.

«Жил-был бывший канцлер… Странно как-то жил…» Раз в неделю приходил кто-то: убирал и готовил. Наверное, женщины из соседней деревни. В те часы, когда в доме находились посторонние, становилось еще тише. Агата не знала, как такое возможно… Чудно?.

Завтрак барон готовил сам. Заливал пшеничные хлопья молоком и щедро посыпал ягодами. Иногда жарил пышный – на зависть любой хозяйке – омлет. Или подавал свежайший творог. Судя по вкусу, закупались они у одного и того

же фермера.

Собакам готовил явно кто-то посторонний. Такое ощущение, что призрак. Может, она все-таки поторопилась, решив, что в доме нет привидений?

«У бывшего канцлера были две большие черные собаки, и Призрак готовил им еду. Кашу с мясом…»

По крайней мере, Агата «призрака» не то, что не видела, она его и не слышала-то ни разу! Призраки, они ведь обожают наполнять дом жуткими, леденящими душу звуками. По крайней мере, она думала о них именно так. А этот призрак был тихий. Но он был, наверное, потому что представить себе бывшего канцлера готовившим еду собакам… не получалось.

За неделю у них с Эриком фон Гиндельбергом выработалось четкое расписание – точность выполнения можно было проверять по минутам.

В шесть утра он вставал – Агата всегда просыпалась, когда полы начинали скрипеть под тяжелыми мужскими шагами и собачьими лапами. Хозяин дома вежливо здоровался с собаками, иронично беседовал с Гроном, нежно с Эльзой. Кстати, Агата заметила, что даме разрешалось капризничать. После еды собак выпроваживали наружу.

В семь пятнадцать барон стучал ей в дверь. Негромко. Аккуратно. Но как-то очень выразительно.

«Да, я отдаю себе отчет в том, что вы в моем доме, в постели, из которой вам запрещено вставать без крайней необходимости, – говорил этот стук. – Я понимаю, насколько это все двусмысленно. Но я должен о вас позаботиться. И знаете, мне это приятно…»

– Войдите, – отзывалась Агата…

И в звуках ее голоса слышалось:

«Я, наверное, должна протестовать. И требовать, чтобы меня отправили в больницу. Или домой. И вообще, я в ночной сорочке при постороннем мужчине!

Просто ужас! Но… Обо мне так давно никто не заботился. Я уже и забыла, что так бывает… Мне так спокойно рядом. И так хорошо пишется… Как никогда…»

– Вы принимали лекарства? – спрашивал он, всегда поворачиваясь к ней спиной, пока она ела.

– Да, – отвечала она этой спине.

– Доктору все еще не нравятся анализы вашей крови.

– Спасибо за ягоды.

– Я заметил, что их вы едите. В отличие от выпечки, которую оставляете нетронутой.

– Я еще и шоколад люблю. С орехами, – призналась она.

– Доктор пока запретил. Подобная пища может спровоцировать кашель.

– Я понимаю.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь… – вдруг сказал он. – Как я понял, великий писатель у вас в семье – это ваш супруг?

– Совершенно верно.

– И книги выходят под его именем. И к вам, официально, это не имеет никакого отношения.

– Людвиг – замечательный выдумщик и рассказчик. Слушать то, как он рассказывает в лицах свою историю, как проживает ее вместе с героями… Это просто удовольствие. Но… он не умеет переносить свои слова и мысли на бумагу. Совсем. Получается слишком шаблонно. Деревянно. Просто никак.

– И? Вы сначала стенографируете?

– И это тоже. Стенографирую, уточняю те места, которые понятны ему как писателю, но не совсем понятны мне, как слушателю. Договариваюсь о структуре книги.

– А потом вы художественно оформляете его байки?

– Истории…

– Простите.

– Ничего. Людвиг искал неболтливого филолога записать его книгу. Того, кто в перспективе мог бы научить его писать. Так мы познакомились.

– И как? Получилось?

– Что именно?

– Научить.

– Нет.

– Что дальше? Ваша первая книга имела успех? То, что ваш муж впоследствии стал знаменит и популярен, мне известно. Интересно, однако, как все начиналось?

– Да. Мы попали в целевую аудиторию. Патриотизм, жизнь за короля, идея служения – все это пришлось по вкусу нашим читателям.

Плечи хозяина дома ощутимо напряглись.

– Нет-нет… – огорчилась Агата, – Вы не подумайте. Мы писали от всего сердца! Как-то даже по-детски искренне. Ну… Мне так кажется. Первая книга. Там было все: ненависть к войне, гордость за наших солдат. И мое сиротство. И то, что Людвиг чувствовал себя увечным и никому не нужным… И…

Агата задохнулась и надсадно закашлялась. Хозяин дома поспешил к ней, подал стакан с питьем. Проследил, чтобы она выпила.

– Простите меня, – опустил он голову, когда приступ прошел. – Я глупец. Совсем забыл про голосовой покой, который вам прописал доктор. Еще раз простите. Отдыхайте. У нас еще будет возможность поговорить, когда вы поправитесь.

Поклонился – и вышел.

Она писала и писала. Хорошо еще, что доктор привез ей все черновики и наброски, что были в доме. Их якобы конфисковали как улики. Агата никогда не умела восстанавливать текст, над которым уже работала. Только путалась и злилась. В конце концов, приходилось переписывать. Но это был уже другой текст, всегда хуже изначального.

Дальше день шел как обычно. Обед, после которого к ней пускали собак… Агате все хотелось спросить, кто варит еду огромным зверюгам. Неужели все-таки сам барон, лично? Вот уж вряд ли. Почему именно этот вопрос не давал ей покоя?

Полдник, ужин… По часам…

А вот вечер этого дня был не таким, как обычно. Потому что с доктором, который ежедневно навещал их, приехал следователь. Тот самый, что допрашивал ее, когда… сколько же времени назад это было? Восемь дней всего прошло. Даже не верится.

Агата вздохнула, глядя на то, как мужчина выбирается из машины, почти нежно прижимая к себе портфель с документами. Захотелось сбежать, спрятаться. Забиться в угол – и никуда не выходить, пока чужие не уйдут.

Аккуратно складывая черновики, больная улыбалась своим мыслям. Получается, что доктора, барона, Эльзу и Грона она записала в «свои».

Вздохнув, женщина осторожно встала, чтобы попытаться одеться. И хотя голова немного кружилась, сделать это было необходимо. Следователь, безусловно, явился по ее душу. Не будет же она встречать его в ночной сорочке и халате.

Одежда у нее была. Три дня назад господин барон отлучался почти на двое суток. С Агатой оставались доктор и Эльза. Вернулся хозяин с огромным чемоданом.

– Вот, – сказал он со странным выражением лица. Если бы это было возможно, Агата сказала бы, что барон фон Гиндельберг… смутился.

– Что это? – Агата, улыбаясь, отложила в сторону исписанные листы бумаги. Писательница искренне была рада его возвращению! Чуть больше, может быть, чем ей самой того хотелось…

– В столичном дамском магазине меня заверили, что здесь все, что может вам пригодиться.

– Вы ездили так далеко? В Лаутгард?

– Официально – вы пропали. Следовательно, поблизости покупать женские вещи в дом холостяка, да еще и вашего размера… Это все равно, что давать объявления в газеты – госпожа Агата фон Лингер у меня в доме.

И вот теперь она достала из шкафа платье. Одно из тех, что приобрел ей тогда барон. Простое, но довольно элегантное, в клетку, с небольшим бантом под воротничком.

Размер, как ни странно, действительно подошел. И… Платье ей шло. Она взглянула на себя в зеркало, ловко убрала волосы и, вполне довольная своим внешним видом, тихонько вышла, чтобы спуститься вниз.

Широкая, черная, до блеска отполированная бесшумными призраками лестница была удивительным образом похожа на своего хозяина. Удобная и прочная, идеально вписанная в архитектуру дома. Ни одна ступенька не скрипит. Эта лестница была тоже… «своя».

– Я не думаю, что это хорошая идея. – Барон говорил отрывисто, не скрывая своего недовольства.

– Факт хищения отравляющего вещества доказан, – раздался голос следователя. – Выйти на преступников, которые успешно выкрали из хранилища министерства обороны «Водяную Смерть», да еще и в таком количестве – первоочередная задача!

– Разве вам кто-то мешает заниматься расследованием? Нет. А женщина – ни при чем!

– Кроме самого факта кражи нам ничего не удалось узнать. Большой временной промежуток, в который могли украсть отраву. Последняя проверка проводилась шесть месяцев назад. И – по документам – все было на месте.

– То есть вам не удалось узнать, когда было совершено преступление?

– Когда, кто… Каким образом… Неясно.

– Безобразие.

– Господин барон, единственно, что доподлинно известно – отрава была использована против госпожи фон Лингер. В ее доме.

– Я запрещаю говорить об этом с Агатой… фон Лингер! Она чудом осталась в живых. И делать из нее приманку – это слишком опасно!

Агата остановилась. Замерла. Что-то такое… удивительное прозвучало в его голосе…

– И вообще – это дело министерства обороны, – гневно продолжал господин барон. – Почему им занимаетесь вы – следователь уголовной полиции не такого уж и большого городка?

– Во-первых, моя биография, мой опыт и мои допуски по линии министерства обороны позволяют мне заниматься этим делом, господин барон, – голос у следователя был нарочито спокойным. – А во-вторых, вводить в глубинку нового персонажа посчитали нецелесообразным. Это может спугнуть наших умельцев.

– Вот здесь вы правы, – признал хозяин дома. – Ход хороший. Но…

– В любом случае я должен буду сообщить эти новости госпоже Агате фон Лингер.

– Давайте позже.

Голос барона прозвучал весьма недовольно, и Агата представила, как скривилось его лицо.

– Ты думаешь, если она узнает об этом позже, ей будет легче? – насмешливо спросил доктор.

Повисло молчание.

Агата сделала еще несколько шагов и решительно постучала.

Глава 4

– Я все же предпочитаю знать правду. Добрый вечер, господа!

Откуда же в нем взялось это странное желание укрыть ее, защитить от невзгод? Удивительно. А он-то считал, что не способен чувствовать нечто подобное… Причем настолько ярко…

Мужчины поднялись, приветствуя гостью.

– Вы зачем встали? – недовольно проворчал барон, усаживая ее в кресло, поближе к огню.

Грон и Эльза вроде бы просто лежали на коврике у камина. Но на самом деле собаки больше походили на солдат, чем на любимцев хозяина дома. Они лежали по струнке, навытяжку, готовые в любой момент вскочить. Тела напряжены, уши ловят каждый звук, глаза – каждый жест. И все-таки они чуть шевельнули пимпочками хвостиков при виде Агаты. Дескать – прости! Рады бы пообщаться, но в доме посторонние. А у нас приказ.

– Поняла, что господин следователь приехал, чтобы поговорить со мной.

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор.

– Живой, – улыбнулась ему Агата.

– А я вот… – печально сказал следователь, – явился к вам с дурными новостями.

– Людвиг?

– Он жив. Мы нашли вашего супруга.

Агата молчала, ожидая продолжения.

– Он с женщиной. Простите, госпожа фон Лингер.

– Понятно, – вздохнула.

– Все не так плохо. Думаю, он просто нанял секретаршу. Или стенографистку. Потому что они работают…

– Как интересно. То есть он инсценировал свое похищение, подвел меня под подозрение в убийстве. И удалился писать новый роман?

– Получается, что так.

– Неважно. Он жив. Значит, будем считать, что это была хорошая новость. Есть еще?

Следователь посмотрел на нее удивленно, доктор – довольно. А барон окинул их таким гордым взглядом, словно хотел сказать: «Ну что? Видели? Моя гостья не так проста, как кажется!»

Сама же Агата продолжала спокойно сидеть в кресле, сложив руки на коленях. Подобное поведение было, пожалуй, свойством ее характера. Она никогда в

экстремальной ситуации не паниковала, не злилась, не впадала в истерику. Сначала надо победить. Поплакать и побиться головой о стену можно и потом.

– Дело в том, что банк собирается объявить вашего мужа банкротом. И, соответственно, продать поместье за долги.

– Странно. Но должны же оставаться активы. У нас есть два дома в столице. Один совсем небольшой, в нем мы жили, другой – доходный, его мы сдаем. Насколько я понимаю, доход неплохой и стабильный. С чего банку так поступать?

– Деньги с доходного дома идут на содержание матери, сестры и брата господина фон Лингера. И пока ваш муж не подпишет соответствующих бумаг, этими деньгами нельзя распорядиться по-другому. А дом, в котором вы жили… Простите, но он заложен. Кроме того, два ваших личных счета… – следователь замялся.

– Говорите, – приказала Агата.

– Они тоже опустошены.

– Но… мы не прикасались к деньгам, оставшимся от родителей. Даже когда были студентами. И… второй счет – компенсация от правительства… Людвиг же сам говорил, что…

– Сожалею.

Она побледнела, но, тем не менее, нашла в себе силы и спросила недрогнувшим сильным голосом, немало удивив не только присутствующих, включая Эльзу и Грона, но и себя саму:

– Сколько у меня времени, чтобы все решить?

– Я договорюсь с банком, – быстро сказал барон. – Вам незачем беспокоиться.

– Скажите, что вы хотели мне предложить? – словно и не слыша его слов, обратилась Агата к следователю.

– Вернуться в ваш дом и помочь нам с расследованием. Мы более чем уверены, что кто-то из ваших домашних связан с похитителями «Водяной Смерти», которой вас пытались отравить. Мы пока официально не находим вашего супруга, именно для того, чтобы у нас была возможность проводить расследование.

Агата кивнула. Долго смотрела на огонь. Наконец решилась и спросила:

– Что вы уполномочены предложить мне, если я соглашусь?

– Министерство обороны гарантирует… скажем, пенсию. Пожизненную. Достаточно щедрую. Это сделает вас независимой от… родственников.

– Но я хочу развод.

– Госпожа фон Лингер.

– Деньги я заработаю. Более того, именно у меня в руках рукопись нового романа, за которое издательство заплатит мне очень щедро. При условии, что я найду хорошего адвоката…

– Но развод – это… немыслимо.

– Почему? Этот человек предал меня.

– Вы же не знаете всех обстоятельств!

– Он струсил. Сбежал. Этого довольно.

– Я сообщу начальству, – поднялся следователь. – Но от денег, на вашем месте, я бы не отказывался.

– Вы правы. Обещаю, что подумаю. Спасибо вам…

– Госпожа фон Лингер никуда не поедет, пока окончательно не поправится. И пока я не буду уверен в том, что риск этой авантюры сведен к минимуму, –

заявил бывший канцлер.

Все удивленно посмотрели на него.

– Что? – отреагировал он на эти взгляды. – Отпускать туда женщину одну, без прикрытия… Что-то мне подсказывает, что пенсия ей не понадобится, а министерство сильно сэкономит. Следовательно, я отправлюсь с ней.

– На каком, простите, основании? – возмутилась Агата.

– Где вы были во время вашего отсутствия? Вы были в Лаутгарде. Где не только лежали в госпитале, но и нашли телохранителя, которого наняли, чтобы обеспечить свою безопасность.

– Почему в столице, а не, скажем, в Орне? – спросил следователь. – Столица марки намного ближе. И гораздо логичнее, что именно туда отвезли госпожу фон Лингер, когда обнаружили без сознания.

– Вы можете гарантировать, что в местном госпитале не станут болтать о том, что госпожи Агаты они никогда не видели?

Следователь опустил голову.

– А в столице я могу это устроить.

– Да. Это гораздо проще, – согласился с бывшим канцлером господин Фульд. – Договоримся с моими знакомыми в Главном военном госпитале.

– А как госпожа Агата оказалась в столице?

– Ну, меня же обвинили, – включилась в обсуждение Агата. – Я впала в отчаяние. И отправилась в столицу. К адвокату.

– Вы же не имели права покидать поместья! – возмутился следователь.

– Совершенно верно, господин Майнц. Когда вы навестите меня в поместье, не забудьте сообщить мне об этом в весьма резкой форме.

– А я прослежу, чтобы госпожа Агата была в безопасности, – напомнил барон.

– Вас опознают. Если не по внешности, то по собакам, – покачал головой доктор.

– Действительно, откуда у охранника, пусть даже и отставного военного, собаки такой породы? – посмотрела на него Агата.

– Думаю, это я решу.

– И зачем вам ввязываться в расследование?

– С вашего позволения, я не стану отвечать на этот вопрос, – повисла пауза.

Уши Эльзы и Грона недовольно поднялись: «Решения хозяина не обсуждаются! Неужели не понятно? Глупые люди…»

– Мы, пожалуй, пойдем, – поднялись следователь и доктор.

– Доктор Фульд, когда госпоже Агате можно будет отправиться домой?

– Завтра в обед можно пойти подышать свежим воздухом. Я осмотрю ее после этого, к вечеру. И скажу точно.

– И еще. Господин следователь, – барон посмотрел на служащего полиции. – Сообщите, пожалуйста, что госпожа Агата желает, чтобы поместье, в котором она проживает, перешло в ее личную собственность. Не обремененное долгами и родственниками супруга.

– Я доложу. Развод и поместье.

– Это еще не все. План расследования мне на согласование. Не позднее завтрашнего вечера. Я не позволю кинуть госпожу Агату в это болото, чтобы просто посмотреть, выживет она или нет.

Когда чужие ушли, Агата долго сидела, глядя на огонь в камине. Наконец она тихо спросила:

– Откуда вы узнали, что мне дорого поместье? Что я хочу попросить в награду его, но не осмеливаюсь?

– Вы улыбались, когда говорили о нем.

Он подошел к ней, легко подхватил на руки и понес на второй этаж. Наверное, надо было возмутиться, потребовать, чтобы он вел себя прилично. Но его забота… Спокойная. Теплая. Неожиданная. Удивительная…

– Спокойной ночи.

Он поставил ее возле кровати. Агата скользнула взглядом по его губам. Как обычно, сжатым в тонкую линию, от чего у него был вечно недовольный вид.

– Спасибо вам… – тихо проговорила она.

Глава 5

Интересно, что будет, если она его поцелует?

Он отпустил ее около кровати и посмотрел прямо в глаза…

«Решайся!» – вспыхнул огонь в серых глазах.

Вдруг стало смешно. От счастья. От того, что ее правильная, распланированная, упорядоченная жизнь вот-вот разлетится, как карточный домик. От ощущения полета, что давала власть над этим сильным мужчиной, который ждал ее решения, будто приговора.

Осторожно прикоснулась ладонями к широкой груди. Ткань рубашки мешала. Вытащила ее из брюк – не было сил расстегивать пуговицы.

Тепло его тела на ладонях, бешеные толчки огромного, сильного сердца, и глаза, в которых… Страсть.

Страсть и решимость.

Она вдруг испугалась того, что сейчас произойдет, но тут же поняла, что, не теряя ни секунды, без остатка отдаст ему себя. Здесь и сейчас! Потому что…

* * *

Стук в дверь на этот раз был каким-то раздраженным.

– Да? – Агата подскочила, исписанные листы рассыпались по кровати, руки тряслись, сердце предательски билось, и кровь хлынула к щекам. Как некстати. И что барону понадобилось у нее ночью? Она… она работает!

– Слушайте, – недовольно посмотрел на нее хозяин дома, стоя на пороге комнаты. – Вы почему не спите?

Агата быстро перевернула блокнот чистой страницей наверх. Еще не хватало, чтобы барон прочитал все, что она нафантазировала после того, как он принес ее в спальню.

– Вы вздыхаете, ворочаетесь. И у вас ручка… невозможно скрипучая!

– Простите.

– Вы хорошо себя чувствуете? Может, успокоительного?

– Нет, спасибо.

– Вечер был тяжелым. И ваши волнения вполне оправданы.

– А… который час?

– Почти четыре.

– Простите. – Агате стало неловко. Ему подниматься через два часа, а она ему спать не дает.

Она внимательно оглядела господина барона. Чисто выбрит, одет по ранжиру – сюртук и туго завязанный шейный платок прилагаются, туфли вычищены. Это же сколько он собирался, чтобы нанести ей визит в… соседнюю спальню? Ночью!

А она в кровати. Красная, растрепанная, неодетая, с листами, исписанными… Ох…

– Хотите чаю? – предложил он вдруг. И улыбнулся.

Это было так странно, что Агата растерялась. И кивнула:

– Да. Хочу.

– Я заварю. И принесу.

* * *

Когда она, переодевшись в то самое платье, спустилась на кухню, барон уже вскипятил воду.

– Вы не сердитесь на меня? – тихонько спросила Агата.

Он отрицательно покачал головой. Грон и Эльза посмотрели на гостью насмешливо, делая вид, что просто греются у камина. Отдыхают. Как бы не так!

– Все-таки я вами восхищаюсь, – снова улыбнулся он.

Пожалуй, в этот вечер и эту странную ночь она видела от него улыбок больше, чем за все время пребывания в его доме.

– Чувствую себя глупо, – призналась она. – Я должна быть убита горем. Моя жизнь рухнула. Но… У меня почему-то не получается. Я думаю о книге, о том, как буду договариваться с банком. О хорошем адвокате, которого надо найти и потратить на его услуги деньги, которые откуда-то надо взять… Я думаю о…

В последний момент она прикусила язык, поймав на самом его кончике фразу – «Я думаю о вас…»

Он вдруг резко обернулся. Поймал взглядом ее глаза. И… развернувшись обратно к кухонному столу, принялся священнодействовать.

Агата застыла, глядя на то, как барон насыпает расписной лопаткой чай – скрученные в жгутики белесые листья. Удивительно, но такие она видела впервые!

Он залил воду в фарфоровый стаканчик с крышечкой – и тут же вылил, ловко орудуя щипцами.

– Что вы делаете? – удивилась Агата.

– Грубо нарушаю таинство чайной церемонии, принятой в империи Чи-джо-ида. Воду вылил не на духа, мы с вами стоим. Но… Будем считать, что условия походные. Мы же не чинаро, в конце концов. Будем надеяться, что духи Рек, Гор и Ветра нас пощадят и не покарают.

– Вы были в самой таинственной империи в мире?

– Да. Несколько раз. С посольством. Но я не хотел бы говорить об этом в такой вечер. Если позволите.

– А воду зачем слили? – поспешила она сменить тему, поняв, что невольно задела что-то очень личное.

– Вам романтическую версию? Или версию здравого смысла? – улыбнулся он, наливая следующую порцию воды.

– И ту, и другую, – решительно потребовала Агата, жалея, что блокнот остался наверху.

– Романтическая… там что-то про угощение духа. А прозаическая… неизвестно, какими руками собирали, кто фасовал… Продезинфицировать необходимо.

Барон вылил жидкость розовато-желтоватого цвета в плоский кувшинчик с длинной ручкой и широким «носиком».

– Это – чаша справедливости. Чтобы обоим чай достался одинаковой крепости.

Хозяин дома разлил ароматный напиток по чашкам и поставил одну из них перед Агатой.

– Попробуйте, это мой любимый сорт – «Красный халат императора». Мне привозят его из Чжуруна, крошечной провинции Чи-джо-ида.

– Они же не торгуют с чужеземцами. Несколько лет уже.

– Совершенно верно, – кивнул барон, кинув в сторону гостьи уважительный взгляд. – Это и не покупной чай. Мне его присылают в дар, вот уже много лет.

– С ума сойти.

– Расскажите, о чем ваша книга? – Барон снова осторожно перевел тему.

– Это те же приключения агента Церга. Тридцать девятая книга за семь лет.

Агата не стала уточнять, что книга про фон Церга была уже дописана. И сейчас она работала над…

– И вам не надоело про него писать?

– Пожалуй, что нет, – привычно ответила женщина. – Он стал другим – как и мы с Людвигом… И… он уже как член семьи.

Агата смущенно уставилась в чашку с чаем – еще не хватало, чтобы хозяин дома принял ее за сумасшедшую.

– Ваши книги о Церге очень любил мой заместитель. Когда выходила новая, он всегда покупал и читал. Сам над собой смеялся. Говорил, что вполне отдает себе отчет в том, что книга – глупость глупостью. А оторваться невозможно!

– Почему глупость?

– Он когда-то был нелегалом. В Оклере. И очень веселился, читая ваши книги.

– А нам всегда казалось, что у нас в тексте все логично. И правдоподобно.

– Сколько погонь и перестрелок у вас, скажем, в последней книге?

– Так… В «Притягательном лике смерти»? Сейчас… Что?

Хозяин дома издал издевательский смешок.

– Да я и сама знаю, что название… своеобразное. Но издатель заявил, что читателей это заинтригует. И не ошибся!

Барон покачал головой.

– Любому человеку понятно, что в смерти нет ничего притягательного, – начала оправдываться писательница, – но пощекотать нервы, почитать про поединок со смертью другого… Про презрение к ней, про то, что есть люди, которых даже смерть к себе не берет. Может, как раз потому, что они ее не боятся.

– А может потому, что даже ей они не нужны?

– Книга же остросюжетная, – сочла за благо снова поменять тему разговора Агата. – Агентству безопасности не удается предотвратить похищение новейшей военной разработки – кристалла, с помощью которого можно читать мысли. И фон Цергу дают приказ – вернуть кристалл любой ценой.

– На артефактах подобного рода стоит защита. Если подается сигнал тревоги – они самоуничтожаются. Вместе со всеми, кто находится неподалеку.

– В нашей книге враги – преступная группировка, возникшая после того, как наше королевство и Оклер заключили мир, нашла способ обойти эту защиту.

– И через пару десятков погонь и перестрелок кристалл вернули в агентство.

– Ну… В общем, да.

– На самом деле, операция подобного рода считается проваленной, если прозвучал хоть один выстрел. Тихо прийти. Тихо уйти. Чтобы никто и знать не знал, что происходит.

– Ну, знаете ли… Про это книгу не напишешь.

И Агата вдруг отставила чашку с чаем. Сложила руки на груди. А потом резко поднялась:

– Я, пожалуй, пойду.

– Простите, – барон взял ее за руку. – Я не хотел вас обидеть.

– Нет, что вы. Это… Это я веду себя невежливо. Простите. Просто в таком свете все наши истории выглядят… Бессмысленными.

– Вы не правы. Людям никогда не покажут отчетов о реальных делах. И это правильно. Где государственная тайна – там слишком много грязи и крови. Даже если эти решения во благо. Даже если без этого не выжить государству… А ваши книги… Они показывают, что мы работаем. И что мы, в общем-то, неплохие люди. В отличие от врагов государства. Это очень важно. Правда! Поверьте мне, я отнюдь не лукавлю. А то, что это сказка… Да. Зато правильная.

– Правильная сказка, – улыбнулась Агата. – Интересный подход.

Глава 6

Это ж как надо было прислушиваться, чтобы раздражаться от того, что ручка скрипит по бумаге?!

Эрик фон Гиндельберг только головой покачал.

Он ворвался к ней в спальню в четыре утра, чтобы выяснить: что же приключилось с ним в эту промозглую осень? Почему он стал заботиться об Агате фон Лингер? Так… легко. Словно это была… его женщина.

Глупость какая!

Может, не все так страшно? Ему просто скучно в отставке. И потом. Он привык чувствовать себя нужным. За столько лет на службе.

Они говорили о книгах. Надо же, ее задело его насмешливое отношение к развлекательной литературе.

Тридцать девять книг!

Если бы у них в королевстве экономика с таким же упорством перестраивалась с военного образца на мирный, с каким фон Лингеры писали об этом их агенте, правительство бы уже выплатило государственный долг.

Барон лежал в своей комнате, заложив руки за голову. Вспоминал, как его заместитель, что был по молодости нелегалом и как раз специалистом по тайным операциям, действительно любил эту серию детективов. Похождения фон Церга. Все приговаривал:

– Если бы в реальной жизни было так… увлекательно!

А ведь бывший разведчик единственный, кто успел среагировать на наемного убийцу, которого не почуяли даже собаки! То наглое покушение имело все шансы на успех.

На руке у убийцы был одноразовый артефакт, стреляющий отравленной иглой. А празднование Весенней победы – мероприятие массовое. Традиционно и король, и канцлер много общались с народом. Выстрел был произведен с пяти метров.

Заместитель успел среагировать и закрыть канцлера собой… Наверное, сработала интуиция. Жизненный опыт, помноженный на постоянное ожидание засады. Убийства. Предательства.

Барон так и не лег спать. После того как его гостья поднялась к себе, отправился в подвал. В лабораторию.

Отец его – маршал королевства, кавалер боевых орденов и семиюродный брат короля – считал сына своей личной неудачей. Старый барон всегда был чем-то недоволен. И не потому, что отношения с женой не заладились. А потому, что сын был увлечен чем-то, помимо армии, сражений, физической подготовки и планирования обороны.

Его единственный наследник мечтал стать артефактором. Более того, у Эрика получалось. Только вот незадача: работать с кристаллами могли лишь те, в чьих жилах текла кровь выходцев с Нового Света. А точнее, с одного небольшого острова. Острова Висельников.

Около трехсот лет назад поселенцы, прибывшие туда, обнаружили пещеры с камнями, наделенными свойствами, которые тогда казались поистине волшебными. Через некоторое время люди научились строить корабли, что могли, используя силу кристаллов, ходить по морю без паруса; догадались, как с помощью самоцветов связываться друг с другом на расстоянии, усовершенствовали экипажи и наконец – сделали мобили! Повлияли камни и на самих переселенцев, дети, рожденные на острове, обрели магические способности, и только они, а после их потомки могли создавать артефакты.

Постепенно артефакторов становилось больше. И в Отторне тоже. В их жилах обязательно текла кровь островитян. Но единственный сын барона фон Гиндельберга? Немыслимо…

Эрик помнил, какой был скандал, когда отец, прибыв в очередное увольнение, узнал, что у сына есть учитель и лаборатория.

Наверное, барон дошел бы до того, что обвинил жену в неверности, а Эрика – в том, что он не его сын, но… Драгоценности рода Гиндельбергов, пожалованные его величеством лично, созданные лучшими придворными артефакторами королевства, признали в юноше своего, стоило ему уронить на них каплю крови.

Юный Гиндельберг помнил этот унизительный ритуал. Глаза матери. Волну силы, что тянулась от нее к кристаллам. Он знал, что это значит. Но с того самого момента запретил себе даже думать об этом.

И все закончилось. Профессора изгнали. Сына выдрали. Лабораторию уничтожили.

Это было хорошим уроком для будущего канцлера. Никому нельзя показывать свои увлечения. Никогда нельзя выдавать своих чувств, а тайники должны быть такими, чтобы – с одной стороны – они всегда были на виду, а с другой – чтобы никто о них не знал. И не просто не знал, а даже не догадывался.

Потом – армия. Два года рядовым. Война, кровь, грязь. Солдатская медаль за личное мужество. За битву в долине реки Нея, где еще лет сто ничего расти не будет… Приказом короля перевод в гвардию. Личную сотню наследника Карла.

* * *

Погожим летним днем была проведена самая удачная операция спецслужб оклеровцев за всю десятилетнюю войну – десант в Лаутгард.

Чтобы сделать порталы, способные провести полк смертников, надо было напитать артефакты кровью человеческих жертв. Это было форменное безумие. Но враги на это пошли…

– Измена! – раздался крик из тронного зала, где его величество принимал послов. – Король убит! Королева убита! К оружию!

Сын короля, у которого как раз был урок истории, в первый момент вздрогнул, однако мгновение спустя схватился за шпагу. Короткую – по руке одиннадцатилетнему мальчишке.

При наследнике было лишь полтора десятка гвардейцев из личной сотни, да и тех считали при дворе солдатиками для игры избалованного принца, которому король-отец ни в чем не мог отказать.

Они уже были в классной комнате.

– Ваше высочество! – коротко поклонились.

– К оружию! – голос юного Карла дрогнул.

– Пробиваемся в наши казармы? – спросил у командира отделения, барона Эрика фон Гиндельберга, один из гвардейцев.

– Кого-нибудь из умирающих сюда, – приказал несостоявшийся артефактор. – Выстроим портал.

– Но… открытие портала всегда завязано на человеческой жизни, – тихо проговорил наследник. – И… это запрещено!

– Вы можете потом меня наказать, – холодно ответил барон. – Что надо взять из дворца, чтобы впоследствии не было проблем с вашим опознанием?

– Малую корону принца.

– Живее! Четверо прикрывают меня, остальные – его высочество!

Парадокс, но именно его юношеская мечта стать артефактором помогла вывести из дворца наследника – крон-принца Карла. Эрик фон Гиндельберг с профессором как раз занимались созданием артефакта, который бы позволил выстроить портал вне зависимости от подавления. Так что первое испытание их изобретения можно было считать успешным. Они перенеслись в дом разжалованного отцом наставника, который и стал их штаб-квартирой на время кампании.

Так, десять лет назад, он стал канцлером и регентом при несовершеннолетнем наследнике – тот попросту больше никому не доверял. Высший пост королевства…

Барон спускался в подвал. Сотня ступеней. Есть время подумать. Это был своего рода ритуал. Так канцлер настраивался на работу. Считал ступени и вспоминал…

Оклеровцы наступали по всем фронтам, решив одним стремительным ударом победить в войне. Часть столицы была захвачена десантом. Аристократы серьезно задумались: принести присягу малой короне или же посчитать, что юный наследник погиб вместе со всей семьей?

Тогда барон фон Гиндельберг решился на небывалое – вышел с Карлом к людям. И юный крон-принц, с трудом сдерживая дрожь в коленках, звонким детским голосом провозгласил:

– Отечество в опасности!

Так не делал никто. Никто не обращался к рабочим, крестьянам и служащим. Никто не призывал их в ополчение – подняться как один и защитить свои дома. Никто до наследника Карла и его верного пса-регента Эрика.

Принц был бледен. Но голос его был тверд. Силы и мужества в осиротевшем ребенке было столько, что это сработало.

А потом? Потом все закончилось. Ощущение нужности своей семье – а он считал короля своим младшим братом. Отставка. Ожидание подосланных убийц. Ведь оставлять в живых так много знающего вельможу просто глупо!

Так незаметно, в ожидании неминуемой смерти подобралась тоска. Дни шли, а убийц все не было. Он приобрел поместье, переехал в него с собаками.

Бывший канцлер не боялся смерти, нет. Скорее ждал ее, надеясь, что та избавит от болезненных воспоминаний. От необходимости снова и снова анализировать поступки прошлых лет, вздрагивая среди серых теней собственной совести.

Барон фон Гиндельберг покачал головой, прогоняя неуместную слабость. И – как и прежде – быстро взял себя в руки.

Раз уж он ввязался в это дело – помощь барышне, попавшей в беду – надо подготовиться.

Девяносто восемь, девяносто девять, сто…

Системе безопасности его личной лаборатории могла бы позавидовать королевская сокровищница. Да и сокровищ за бронированной дверью было немало.

Много лет он собирал диковинки, покупал драгоценные камни, заготовки, оправы. В редкие минуты отдыха обустраивал рабочее место, но вместе с тем старался не привязываться. Не вкладывать душу. Это было слишком плохой приметой – к несчастью, всегда сбывавшейся. Как только кто-то из силовиков – неважно – военный ли, безопасник, разведчик… – начинали мечтать об уютном доме, о яблонях, цветущих по весне… Смерть немедленно предъявляла права на такого человека. Словно обижалась…

Барон хмыкнул. Опытным взглядом пробежался по имеющимся запасам. Итак, что тут у нас?

Заготовки по изменению внешности, документы на несколько личностей разных сословий. Мало ли как жизнь сложится…

Он прижал ладонь к сейфу. Про себя посчитал до трех и неторопливо проговорил:

– Верен и в смерти.

Девиз их рода. Хороший девиз.

Перебрал несколько комплектов документов – с одного из них смотрело лицо его величества Карла.

Разложил на столе прямоугольные пластины, подобные тем, что носили солдаты на шее – с номером части, именем и датой рождения. У него самого на шее была точно такая же. Посмотрел на документы. Простоватое лицо с прямым ясным взглядом ему очень нравилось. Безукоризненная маска для выполнения какого-

нибудь тайного поручения. С одной стороны – смотришь – и сразу думаешь: «Какой славный парень!» А с другой – второй раз взглянуть уже не тянет.

Потянул ящик стола, достал специальный, чуть изогнутый нож артефактора. Пластины изменения внешности надо было напитать силой. А что может быть сильнее, чем кровь?

Привычно полоснул ладонь. Почувствовал, как жадно артефакты забирают силу.

Зашипел, шепча заклинание, сдерживающее поглощение силы. Почувствовал недовольство того, что жило в черном омуте кристалла. Это нечто всем своим существом жаждало высшую награду – человеческую жизнь. Главное – не поддаться. Многие артефакторы, не контролируя себя, во время работы совершали самоубийства.

Потянулся. Сделал несколько глубоких вдохов. Достал из другого сейфа – там была всего лишь цифровая комбинация – склянку с заживляющей мазью. Намазал порез, с любопытством посмотрел, как затягивается рана. Бессчетное же количество раз наблюдал. А все равно завораживает!

В принципе, он был готов выступать. И даме поможет, и сам развлечется. А то засел медведем в берлоге.

Вдруг перед глазами встало лицо Агаты. Белое. С заострившимся носом… Он представил себе, что ее достанут. Жизнь будет уходить из молодой, полной сил женщины по капле, оставляя после себя тошнотворную беспомощность. Горечь несбывшихся надежд…

«Нет!» – решил барон. Этого не будет. Он не позволит.

Канцлер решительно повернулся к сейфу. Пожалуй, он знал, какой камень подойдет под артефакт защиты. Изумруд. Насыщенно-травяного цвета. Редчайшей квадратной огранки. Кристалл, дающий хозяину защиту от злых воздействий, охраняющий от неприятностей и несчастий. Как раз то, что сейчас требовалось его гостье. И оправа под стать – заговоренная на долгую жизнь платина. Что добавить?

Артефактор даже вздрогнул, когда решился. Быстро, чтобы не передумать, достал завернутую в черный бархат «Слезу моря». Специальной зачарованной лопаткой – резала все, как масло – отделил крошечный кусочек.

Зажег тигель, чтобы расплавить субстанцию, рожденную небом…

И вдруг вспомнил. С такой ясностью, что закололо сердце.

* * *

…Звезды всегда падают в конце лета. Когда реже, когда чаще. Небо оплакивает погибшую любовь…

Просто подставь лицо ветру. Почувствуй, как он меняется. Ты услышишь голодный рев бури, что губит вышедший в море корабль. Смотри внимательно в черный бархат небес и увидишь, как яркая точка вспыхнет над горизонтом! Ты ослепнешь на долю секунды, и в это самое мгновение звезда стремительно упадет вниз, ледяным всполохом резанув небеса. И море – всегда оно – примет слезу в свои объятия. Утешит. Возьмет. Сохранит…

К казни все было готово.

На совесть сбитая, добротная перекладина. Две скучающие петли, покачивающиеся на морском бризе. Всполохи факелов. Жители приморского поселка, лица которых кажутся жуткими пылающими масками. Четко выстроившаяся линия солдат.

И… двое приговоренных. Парень – молодой офицер морского флота проклятых оклеровцев. И местная девчонка. Дворянка, с идиотскими понятиями о чести и милосердии… Романтизм, будь он неладен.

Нашла на берегу вражеского офицера. Пожалела. Укрыла.

Канцлер Эрик фон Гиндельберг, решивший переночевать в этом живописном месте – на самом деле, с ног валились все в его команде – стоял спиной к толпе и приговоренным. Он смотрел на море, угадывая его очертания в чуть подсвеченной звездами темноте. Занесла же нелегкая в эту проклятую дыру!

Внезапная буря разбросала стоявшие в проливе, прикрывавшие побережье корабли. Досталось и кораблям противника, посему было объявлено двухнедельное перемирие вместе с совместной спасательной операцией.

Именно этим фактом объяснялось присутствие канцлера на побережье в районе линии Нея. Восемь лет назад здесь была высадка десанта врага. Они действовали по принципу выжженной земли. Выжженной вместе с жителями. И ненавидели их здесь – особенно вражеских моряков – люто.

Вмешаться? Или дать событиям идти своим чередом?

– Тварь! – раздались вопли. – Предательница!

Пожалуй, офицера он мог забрать достаточно безболезненно – в конце концов, перемирие было заключено…

Эрик фон Гиндельберг услышал скрип шагов по скрипучим ступеням помоста. Выдох девчонки:

– Мамочка…

С неба покатилась звезда… Расчертила небосклон и упала в море…

– Я тебя люблю! – крик парня.

Канцлер развернулся и негромко приказал:

– Довольно. Я забираю их с собой.

* * *

– Как ты думаешь, успеют они до бури? – спросил доктор Фульд, нервно потирая шрам и провожая взглядом точку, в которую превратилась уносившая влюбленных шлюпка. Волновался за юных глупцов, что ли?

– Молодой человек сказал, что должны. Он – моряк, и я склонен доверять ему в этом вопросе, – меланхолично откликнулся канцлер. – К тому же я распорядился отдать его вещи. Там неплохие артефакты.

– А будут ли они счастливы?

– Они живы. Молоды. Он поклялся отвести девушку в храм, как только они ступят на твердую землю. И я – опять же – склонен верить, что он так и сделает.

Они с доктором уже уходили, когда барона привлек странный шипящий звук. Словно море шепнуло:

– Обернись.

Эрик фон Гиндельберг развернулся…

Волна вынесла серебристо-голубой шар прямо к его ногам. «Слеза моря» – награда за спасенную любовь.

* * *

Сто ступенек вверх он преодолеет чуть позже. Надо отдохнуть. Артефактор знал, за что заплатил. Изумрудная подвеска-оберег была безупречна. Шедевр!

Глава 7

После чаепития с хозяином Агата уснула. Ей снились печальные звезды, нервно прочерчивающие небеса, виселица, жуткие лица в свете дрожащих факелов. Страх. Смерть. И… любовь.

– Довольно. Я забираю их с собой, – услышала она знакомый голос перед тем, как ее выбросило в реальность.

Мягкая постель. Белые чистые простыни. За окном светло, хоть и пасмурно. Агата потянулась, зевнула и быстро вскочила, чтобы одеться. Она выбрала теплую юбку и жакет. Удивилась, как все-таки точно были подобраны для нее вещи. Улыбнулась, расчесывая волосы. Захотелось увидеть строгое, как будто вечно чем-то недовольное лицо. Серые глаза.

Хозяин поместья пропал. Она даже подумала о том, чтобы объявить тревогу. Но Эльза, словно прочитав ее мысли, отрицательно покачала головой.

Агата сначала решила, что это совпадение – ну, мало ли как мотнула головой собака. Но на всякий случай проговорила вслух:

– Мне стоит пройти в спальню к господину барону, взять его пластину связи и вызвать доктора Фульда?

Собаки переглянулись. Тяжело вздохнули, словно разочаровавшись в умственных способностях женщины, находившейся у них в гостях. Подошли поближе, уселись. И отрицательно замотали головами.

– Вот это да!

Она, конечно, много раз слышала удивительные рассказы о низерцвейгах. Но наблюдать такое собственными глазами… Просто чудо!

– Может, пойдем гулять? – нерешительно спросила она у собак. – И покормить бы вас надо.

Хвосты одобрительно заходили ходуном.

– Я… сейчас.

Грон посмотрел на Эльзу с таким видом, словно говорил: «Видишь, и эти странные существа при должной дрессировке становятся более-менее разумными».

Агата рассмеялась.

На крыльце их встретил ледяной ветер. Он налетел, словно соскучившись, и позвал за собой. Вперед, за стаей медных листьев!

Женщина вдохнула свежий осенний воздух, чуть пошатнувшись от навалившегося враз неба. Как… красиво! Они забрались на вершину холма. Надо же… Ведь она столько времени жила совсем рядом. Можно было бы пройти в обход поместья барона и все это увидеть!

Облака красноватых листьев, голубую дымку вдалеке, живописные длинные белые одноэтажные домики, разбросанные в низине… Интересно, что это там? Больница? Похоже на то…

Ветер трепал выбившуюся из-под цилиндра прядь. Где-то высоко стая черных птиц чертила галочку в небе. Небо. Будто чистый лист. Писать… Ей вдруг нестерпимо захотелось писать! Живо, красочно, ярко! Поняла, что все, созданное с мужем до этого, было… не то. Переплетения сюжетных линий, характеры, интриги, убийства, неожиданные повороты – все это было. Но она никогда не пыталась описать, к примеру, эмоции человека, вставшего с постели и вдохнувшего свежий воздух. А ведь герои часто лежали в госпитале после ранений. Она сообщала читателям о времени года: середина зимы, конец лета, начало осени… Герои шли по улицам, паркам, площадям. Скрывались в горах. Но ни разу она не обращала внимания читателя на небо над головой. Запах. Цвет. Лай…

Внизу басовито надрывался Грон. Писательница очнулась. Нахмурилась. И поспешила вслед за собаками, которые явно звали за собой.

Так далеко от дома она еще не уходила. Сам особняк был в низине, окруженный холмами, что будто его отгородили от остального мира.

«А холм-то высокий!» – Агата спускалась осторожно, стараясь не поскользнуться. Собаки терпеливо ждали.

Белые домики, что так живописно смотрелись с вершины холма, оказались ближе, чем она предполагала.

– Эльза! Грон! – раздался чей-то голос. – Что-то вы сегодня задержались!

– Голодные… Хорошие вы мои!

Голоса были звонкие, молодые.

Агата подошла поближе и обнаружила собак, сосредоточенно и очень аккуратно завтракающих. Никакого звона мисок, разлетающейся во все стороны каши. Все было… изысканно.

– Смотри-смотри! Как всегда… Аристократы! Бароны! Лицо канцлера! – рассмеялись два молодых парня, но, увидев Агату, притихли.

– Доброе утро, госпожа, – поклонились они, виновато улыбаясь.

– Я… пришла с собаками, – смутилась в свою очередь женщина. Ее присутствие в доме неженатого мужчины выглядит совершенно однозначно. И как она об этом не подумала? Зачем подошла?

– А мы… – Парень, тот, что пониже, стал совсем пунцовым. – Собак кормим. Барон…

Грон отвлекся от завтрака и посмотрел на молодых людей насмешливо. Очень. Вздохнул. И вернулся к своей миске.

– Сейчас мода на крупных собак, – важно кивнул второй. – Не обязательно на низерцвейгов. Но не каждый умеет с ними правильно обращаться. Если выучиться и получить лицензию – можно будет неплохо устроиться. – Молодой человек откинул темные спутанные волосы и улыбнулся гостье.

Они оба улыбались. Честно. Открыто. Искренне.

– Замечательно! – обрадовалась Агата.

Она поняла, что парни – бывшие солдаты. Это было видно и по возрасту, и по выправке. Видимо, попали на фронт совсем молодыми. И теперь пытались найти себя в новой для них мирной жизни…

Значит, господин барон…

– Ульрих! Майер! Вот вы где!

Молодые люди машинально вытянулись по стойке смирно. К ним подходил чем-то недовольный доктор Фульд.

– Вы! Почему не явились на обход?

– Мы господина барона ждали. – Парни изо всех сил делали виноватый вид, но все было напрасно.

Агата сразу поняла, что доктора эти двое совершенно не боятся. Скорее… любят. И она улыбнулась. Неизвестно чему. Просто так…

– Все равно!.. – сердился доктор, но тут увидел Агату. Вопросительно на нее уставился. Потом приказал:

– Так, ребятушки. Марш в палату. Покажете протезы – пусть их протестируют.

Глядя в спину удаляющимся молодым людям, Агата растерянно повторила:

– Протезы?

– А! Не заметили? – Доктор весело блеснул глазами, знакомым жестом растирая шрам на лице.

– Нет…

– Когда мы нашли Ульриха, мальчик беспробудно пил. Милостыни, кстати говоря, ему на это хватало! Молодому человеку пришлось отнять обе ступни. А Майер… Военные сняли беднягу с моста – собирался кинуться под состав. На работу никуда не брали, а обузой родителям он быть не хотел. Хорошо еще, что среди тех спасателей нашелся один – он знал, что мы собираем сильно покалеченных солдат по всей стране. Ставим на очередь. Протезы экспериментальные, конечно… Но это хоть какой-то шанс! Пытаться догнать смерть, что на войне прошла мимо, дабы все же обратить на себя внимание… Противоестественно. Неправильно! Так… не должно быть, Агата. Не должно быть…

– А если не в рамках экспериментального проекта? Это очень дорого?

– Очень. Ткани выращиваются из собственных клеток в специальных кристаллических ячейках. В мышечные волокна, сухожилия и нервные окончания также вживляют микрочастицы редких кристаллов.

– Я поражена…

– Идея была господина барона. Он – замечательный артефактор. И… хороший человек.

– И он все это организовал?

– Да. И, что немаловажно, профинансировал.

– А еще вы хотите дать бывшим солдатам профессию?

Доктор смущенно кивнул:

– Мало сделать протез. Надо встроить тех, кто воевал, в мирную жизнь. А это очень непросто. Кто-то находит себя, общаясь с собаками. Кто-то – с техникой. Часть талантливых ребят, что пострадали во время военных кампаний, в должности фельдшеров и санитаров остались на нашем же проекте. Помогают в обследовании пациентов. Некоторые идут в агрономы, учителя. Мы пробиваем места в учебных заведениях. Договариваемся о стипендиях. Но…

Тут доктор Фульд словно бы очнулся:

– Госпожа Агата… Сколько времени вы уже на улице?

– Вы же сами сказали, что мне можно и нужно дышать свежим воздухом!

– Я вызову дежурный мобиль – вас отвезут.

– Не стоит. Я сама!

– Ничего подобного!

Когда они ехали, Агата все же решилась и проговорила:

– Господин барон пропал…

– Эльза и Грон спокойны. Значит, он в подвале. В смысле, – доктор Фульд заметил, как напряглась женщина, – в своей лаборатории.

Он довез ее до дома, открыл дверцу мобиля.

– Скажите… Почему барон называет вас доктором мертвых? – спросила Агата.

– Мое основное место работы – городской морг города Орн. А все остальное – хобби. И…

Она подумала, что Фульд сейчас скажет ей что-то очень важное. Например, объяснит, что с ним произошло. Но «доктор мертвых» лишь буркнул, прощаясь:

– Вечером не гуляйте. На сегодня достаточно.

И уехал.

После прогулки Агата так устала, что заснула в кресле у камина. Проснулась уже вечером. Тишина. Промозглые сумерки за окном. Хозяин так и не появился.

Она походила по дому. Накрыла ужин на две персоны, прикрыв хлеб салфеткой. И вернулась в гостиную. Писать.

Страница. Другая. Текст шел легко, но она все равно прислушивалась, ожидая услышать решительные шаги хозяина дома.

Вернулись собаки. Эльза подбежала к ней. Агата провела по шерсти – ладонь стала мокрой.

– Дождь…

Грон притащил в зубах полотенце, требовательно и звонко гавкнул.

– А по-человечески нельзя было сказать, что вас надо вытереть, – проворчала Агата.

Потом долго хохотала, поняв, что именно произнесла. Обнималась с Эльзой, которая, уткнувшись мордой в ее колени, улыбалась, признавая – что да – смешно получилось.

Грон же снисходительно посматривал на веселящихся женщин. Перед сном Агата тщательно закрыла двери. Долго не могла заснуть, прислушиваясь, как бесприютно воет ветер… Эльза зашла к ней, вздохнула. Прыгнула на кровать, привалилась к ногам. Засопела.

– Эльза, – тихонько позвала Агата, – Эльза, ты слышишь? У меня будет книга. Только моя! Слышишь?

В шесть утра гостья была уже на ногах. Дождь лил как из ведра. Распахнула дверь – выпустила низерцвейгов.

Снова ожидание в кресле у камина… Бывает, задремлешь, а потом резко подскакиваешь от пугающего ощущения чьего-то пристального взгляда:

– Доброе утро! – Как же она обрадовалась, увидев хозяина дома! Только был он какой-то посеревший. И – такое ощущение – еле стоял на ногах. – Вы так внезапно исчезли. Я беспокоилась.

– Я увлекся, – хрипло ответил барон. – Вы голодны? Надо покормить собак.

– Не беспокойтесь, – остановила его Агата, когда барон, с трудом переставляя ноги, пошел в сторону кухни. – Все сыты. Собак я выпустила гулять. Я теперь даже знаю, где их кормят. А для людей у вас такой запас – можно долго не готовить. Может, вам стоит отдохнуть?

Странно, но в его глазах мелькнуло удивление. Интересно, чего он ждал от нее? Что она закатит скандал потому, что ее не развлекали сутки? Эрик фон Гиндельберг чуть прикрыл глаза и покачнулся.

– Наверное, я пойду, – попытался он поклониться. Вспомнил о хороших манерах…

– Идите, – приказала Агата. – Я принесу вам еду наверх.

– Не хочу обременять вас, – упрямо проговорил он.

– Будем считать это ответной любезностью.

Агата собирала еду на поднос – и улыбалась. Интересный человек… Хоть сейчас книгу с него пиши. Что-то холодное, непобедимое. И… правильное.

Ей хотелось отблагодарить его за заботу. За то, что он ввязывается в расследование этой запутанной истории. За то, что в его доме она закончила книгу, которая не давалась им с мужем. И за то, что придумала новую историю – свою. Только свою.

Агата взяла завтрак и отправилась в спальню. Откуда ни возьмись, появился Грон – проводником пошел впереди.

Хозяин дома и собак обнаружился сладко спящим. Сюртук аккуратно висел на спинке стула, одежда сложена. Ни единой складочки. Ни единой пылинки…

Агата осторожно поставила поднос с едой на прикроватный столик. Негромко окликнула:

– Господин барон! Эрик?

Этим она заработала недовольный взгляд собаки. Грон словно пытался ей сказать – спит человек, устал. Чего тебе?

Агата укрыла спящего покрывалом, барон отогнул его с одной стороны. На все остальное у него, наверное, просто не хватило сил, и зачем-то погладила мужчину по колючей щеке.

– Агата, – выдохнул он, не просыпаясь.

Она вздрогнула. Сердце счастливо забилось – и чего это оно? Улыбнулась – и вышла.

Вечером они встретились в столовой. Чинно сидели друг напротив друга.

Эльза довольно поглядывала то на хозяина, то на его гостью. И открыто улыбалась. Грон же, будучи мужчиной серьезным, прятал улыбку в густой бороде. Но тоже был очень и очень довольным.

После ужина люди перешли в гостиную.

– Вы пишете новую книгу? – слегка откашлявшись, нарушил тишину барон.

– Да, господин фон Гиндельберг.

– О чем?

– О девушке, которая была разведчицей во время войны, – воодушевленно ответила Агата. – Такого ни у кого нет! Она была на задании, уже в мирное время, и спасла мужчину. Случайно. Потом вынуждена была инсценировать свою гибель. Он очень переживал, винил себя. А потом они встретились у него на работе – в университете, где он преподавал. Ее отправили туда из-за череды убийств. Студенты аристократических родов гибли. И они вместе раскрыли… Что-то не так?

– Агата… – осторожно проговорил канцлер. – Женщина в разведке… Это, скорее, грустно, нежели романтично.

– Почему?

– Потому что – кто бы и по каким причинам ни попал на службу… Аристократка, жаждущая приключений, сирота, которой деться больше некуда, романтически настроенная девушка, готовая служить своей родине либо мстящая за кого-то врагам… Все равно они добывать информацию будут одним и тем же способом.

– Что? – покраснела писательница.

– Именно. Через постель. Любовницей. Танцовщицей. Женой. Но женщина может подобраться к мужчине близко – слишком близко… только так. А потом предать его. По долгу службы.

– Получается, что у мужчин есть выбор. А у женщин – нет.

Барон кивнул.

– И это не может не отразиться на женщине.

– Не говоря уже о том, что ваша разведчица – если она уверена, что ее раскрыли – должна будет замести следы.

– То есть убить мужчину, который узнал, кто она, – проговорила Агата, глядя барону в глаза.

Барон развел руками, как бы извиняясь, но лицо его при этом оставалось более чем серьезным.

– Хорошо. Предположим, что она вышла в отставку. И то дело, на котором они встретились, было для нее последним. Итак, она в отставке. И ее отправили преподавать!

– Приватные танцы? – сорвалось у него.

Агата только укоризненно посмотрела на барона. И стала озираться в поисках записной книжки.

– Я принесу вам ручку и бумагу, – правильно понял ее хозяин дома.

– Она может быть, скажем… дипломированным психологом? – спросила ему в спину Агата.

– Вполне.

– И может поступить в аспирантуру. После всех своих подвигов.

– Ее могут попросить посмотреть, что происходит в университете изнутри.

– Точно! – радостно выхватила Агата блокнот из рук собеседника.

– Только… – Он снова нахмурился.

– Что?

– Мужчина… Главный герой… Он будет иметь отношение к разведке? Или к военным?

– У нас в стране все имеют то или иное отношение к военным.

– Тогда у них вряд ли что получится.

– Из-за ее прошлого?

Барон кивнул.

– То есть мужчина, выполняющий свой долг, – это почетно. А женщина – сразу падшая? – сухо и зло сказала писательница.

– Именно. Если мы говорим о реальности. А не о сказках.

– И он никогда не перешагнет через то, что эта женщина принадлежала другим мужчинам?

– Скорее всего – нет.

– Понятно.

Агата поднялась. Исписанные листы упали с ее колен.

– Спокойной ночи, – сухо сказала она. И ушла.

Эльза одарила барона выразительным взглядом. Сомневаться в том, что она критикует умственные способности хозяина, не приходилось. Хотя нет. Не только. Этот взгляд определенно обвинял несчастного еще и в бестактности. Черствости. Отсутствии хороших манер…

Последнее особенно задело.

– А что я? – возмутился барон, безуспешно ища поддержки в насмешливом взгляде Грона. – Просто сказал правду!

Эльза, гордо цокая когтями по полу, отправилась вслед за Агатой.

– Женщины! – возмущенно проговорил хозяин дома. – Вот скажи мне, старина, как можно так переживать за выдуманного персонажа! Еще и обижаться.

Помолчав, артефактор добавил:

– Я не отдал ей кулон.

Глава 8

Агата так злилась, что даже лечь не могла. Ходила по спальне. Туда-сюда. Туда-сюда. Гостья была готова просто растерзать хозяина дома, если он явится – при полном параде, разве что ордена не нацепив – и сообщит, что шум из ее спальни мешает их баронству спать!

Эльза, забравшись к ней на постель, посматривала насмешливо, словно хотела спросить: «Так и будешь туда-сюда бегать?»

Потом все же стало неловко. Так себя вести. В чужом доме. Агата выключила свет, легла в кровать и крепко заснула, стоило лишь закрыть глаза. Ей ничего не снилось, просто было тепло. Особенно ногам. Даже чуточку жарко. И кто-то сопел – негромко и размеренно. Уютно. Сладко. Эльза…

* * *

– Апчхирррр-пф-пф-рррр! – Эльза чихнула, почувствовав, как солнечный зайчик щекочет нос.

Жизнерадостный утренний лучик с трудом протиснулся сквозь плотные, добротные, немного старомодные гардины. В этом доме все было таким – сделанным на совесть, с легким привкусом старины.

Агата проснулась рано. Еще до того, как на лестнице послышались шаги хозяина дома. Посмотрела на чихающую Эльзу. Улыбнулась. Быстро оделась и, кутаясь в шаль для храбрости, вышла из спальни. Обнаружив господина барона на кухне, женщина слегка зажмурилась и быстро проговорила ему в спину:

– Извините. Я не знаю, что на меня нашло.

Он развернулся, держа поднос с завтраком. Улыбнулся. И важно, словно зачитывая проект какого-нибудь закона, провозгласил:

– Я придумал, кем будет ваша героиня. – Поставил поднос на стол.

– Кем же?

– Я долго думал, как сделать так, чтобы… чтобы можно было говорить об уважительном отношении к ней.

– И? – Писательница еще плотнее закуталась в шаль, стараясь не выдать своего волнения.

Эрик фон Гиндельберг аккуратно выкладывал ягоды. И только после того, как вокруг белоснежной горки творога образовался идеальный круг, ответил:

– Она могла быть связной. Работать со своим мужем-разведчиком. Их раскрыли. И он…

– Он ее не выдал? – Глаза Агаты горели, пальцы теребили бахрому шали. – И поэтому она осталась в живых?

Бывший канцлер только печально покачал головой. Ему отчего-то не хотелось огорчать молодую женщину, которая верила в сказки и отказывалась верить в пытки.

– Его просто не захватили живым, – вздохнул он. – Не дался. Только так. Иначе…

– Это же… реальная история? Да? – неожиданно спросила писательница.

– Да. Только случилась она с точностью до наоборот. Мой заместитель ушел из Оклера. А его жена погибла. Франц вышел купить молока к завтраку – с вечера забыли. Они с женой еще смеялись и спорили… Кому идти.

– За молоком…

Агата резко отвернулась, отошла к окну. Шаль сползла с плеч, но она ее не поправила. Собаки, которым со своего места были видны блеснувшие в глазах гостьи слезы, посмотрели на хозяина недовольно.

– Простите, – тихо сказал он. – Мне не следовало…

– Ничего-ничего, это… это вы меня простите, сейчас. Буквально минуту…

Сделать глубокий вдох, изо всех сил стараясь максимально расслабиться на выдохе. Так учил ее муж. Помогает. Муж… Ком снова подкатил к горлу, в носу защипало. Так не пойдет, надо держать себя в руках, иначе барон решит, что она истеричная, несдержанная особа…

«Наверное, это правильно, что над судьбой Франца и Матильды кто-то прольет слезу… Жаль, что я не могу…» – бились мысли в голове канцлера.

– Скажите, а… Я могу использовать эту информацию в своей книге? – спросила Агата.

– Думаю да. Никакого особого секрета в этом нет, и потом… Если бы это было не так, зачем мне вам рассказывать?

Эрик фон Гиндельберг постоял еще минуту, борясь с собой. Ему хотелось подойти ближе. Обнять эту трогательную, хрупкую женщину, прижать к себе, сделать так, чтобы огорчений в ее жизни было как можно меньше.

Вместо этого он вздохнул, шагнул вперед, Агата почему-то в этот же самый момент резко развернулась – и они почти столкнулись. Но мужчина плавным, отточенным движением вовремя ушел в сторону.

Повисла неловкая пауза, однако барон быстро справился с собой, улыбнулся, слегка кашлянул и весело проговорил:

– А теперь – никаких расстройств. И – завтрак!

«Ну и зря!» – прочитал он в глазах Грона. Эльза фыркнула. И отвернулась.

– Так, – приказал он низерцвейгам. – Идите-ка, погуляйте лучше. И непременно навестите госпиталь! Вас ждут.

Барон решительно выпроводил собак, взял поднос и направился в столовую.

– А вы? – спросила Агата.

– Я к вам присоединюсь.

Давно ему не было так легко, уютно и тепло. Пожалуй, что и никогда.

Сначала, до войны – вечно всем недовольный отец отравлял жизнь не только ему, но и матери. Не говоря уже о себе самом.

Эрик никогда не понимал, почему мама – красивая, умная женщина, никогда не пыталась что-то изменить. Они с отцом не любили друг друга, это было… слишком очевидно. Ее покорность судьбе чем-то питалась, подобно тому, как питает кристаллы кровь артефактора. Баронесса фон Гиндельберг была несчастна. Но иногда… Иногда он чувствовал, что ее счастье просто спряталось. Притаилось где-то глубоко внутри и всегда выглядывало, пусть и осторожно, в те редкие моменты, когда они оставались вдвоем.

Потом армия. Как ни странно, там Эрику было все же лучше, чем дома.

Война. Когда и дома-то не было. Была целая страна, которую надо было защищать. А дом…

Его, канцлера, называли всемогущим. Даже не так. Его называли «самым»: самым влиятельным, самым богатым…

Свой дом появился лишь после того, как король отправил канцлера в отставку. Нельзя же всерьез считать «своими» покои во дворце. Или огромный отцовский особняк в столице, который все эти годы открывали раз в сезон – канцлеру было положено принимать гостей на зимние праздники.

А этот дом был удивительно похож на него самого. Хмурый. Нелюдимый. Вздыхающий скрипом отполированных половиц. Его дом прятал серые тени в тайных полутемных уголках и доверял царапающим старый лак собачьим когтям больше, чем громким голосам редких посетителей.

Конечно, можно было сделать ремонт. Дом перебрали бы по бревнышку. Или вовсе снесли – отстроили на его месте новенький особняк.

Эрик фон Гиндельберг не хотел этого.

Он сроднился со старыми стенами, каким-то непостижимым образом научился дышать с ними в одном ритме.

– Я все съела, – доложила Агата, с преувеличенной серьезностью сложив руки на коленях. Господин барон рассмеялся.

– А вот вы – нет, – заметила женщина.

Она с тревогой подумала, что хозяин дома осунулся за последние сутки. Ни кровинки в лице, ясные серые глаза потускнели, лишь выправка оставалась прежней. Безукоризненной.

– Доедайте! – потребовала Агата.

– Хорошо-хорошо, – в голосе Эрика фон Гиндельберга было наигранное недовольство, но Агата не обратила на это внимания.

Она смотрела канцлеру в глаза, которые улыбались. Искренне и как-то удивительно по-доброму.

– Вам стоило бы выпить гранатового сока, – задумчиво проговорила она. – Знаете, меня в детстве мама поила. Я была бледненькая, и ее это очень огорчало.

– Гранаты? – отвлекся мужчина от методичного накалывания ягодки на вилку. – Надо заказать. Фульд что-то говорил про то, что мне их есть необходимо. Особенно после работы с артефактами и потери крови.

– Потери крови?

– За все надо платить, моя дорогая госпожа Агата, – усмехнулся барон. – Артефактор платит кровью. Своей или чужой. На выбор.

Агата задумалась. Вдруг ей стало очень холодно. Даже под теплой шалью.

– Я готовился к нашей вылазке, – объявил господин барон после того, как они перебрались в гостиную, и хозяин дома усадил ее в кресло около затопленного уже камина. – Вам не дует?

– Нет, все хорошо.

Женщина утонула в мягком кресле. Пылающий камин согревал и успокаивал, но, к сожалению, не избавлял от любопытства.

Барон, заметив, как подрагивает от нетерпения кончик ее носа, решил не томить – показать личины и кулон.

– Одну минуту.

Он уже выходил из гостиной, когда услышал:

– Если артефактор теряет столько сил. И… крови. Должны же быть какие-то процедуры? Укрепляющие. Поддерживающие. Надо узнать у доктора Фульда и выполнять неукоснительно!

– Зачем? – равнодушно спросил он, не оборачиваясь.

Когда барон вернулся, его гостья сидела с отсутствующим видом, закручивая кисти шали вокруг пальца в спиральку.

Он невольно залюбовался. Отсветы горящего камина на светлых, слегка золотистых волосах, так красиво контрастирующих с темной шалью. Веснушки. Их совсем немного, но они такие… трогательные. И конечно же, руки. Узкие ладони, длинные пальцы. Маленькое чернильное пятнышко на запястье. Она так увлеклась своим занятием, что пришлось обратить на себя внимание:

– Посмотрите на меня, – попросил Эрик фон Гиндельберг.

Агата подняла глаза и в ту же секунду вскочила, с трудом удержавшись от крика.

– Ну как? Хорошо получилось?

– Это… Это же не вы!

– Действительно, не я. То есть не совсем. Это – личина.

Гостья нахмурилась. Встала, оставив шаль на кресле. Обошла его вокруг.

– Слишком… бравый и образцовый. Какой-то… излишне правильный, что ли? Не живой…

– То есть вы хотите сказать, что в своем обычном виде я вам нравлюсь больше?

– Конечно, – не задумываясь, ответила Агата. И тут же смутилась.

А канцлер рассмеялся.

Она оценила беззаботный взгляд. Румяные щеки. И с нескрываемым отвращением поморщилась.

– Привыкайте, – приказал канцлер. – Сейчас собаки вернутся – посмотрите и на них.

– А как к вам обращаться?

– Эрик. Имя я менять не стал. Вы – моя работодательница. Думаю, по имени будет в самый раз.

– И сколько вам лет в этой личине?

– Так же, как и на самом деле – сорок. Данные, к которым привык, всегда лучше оставлять без изменений.

– Сорок? – изумилась Агата.

Сквозь личину на миг проступило настоящее лицо барона Эрика фон Гиндельберга. Обиженное.

– Простите. – Она покраснела. – Я…

– Нет-нет… Вы правы. Я не выгляжу молодо. Сказывается служба. Знаете, как у нас говорят? Год за два. Но об этом после.

Он подошел и положил ей на колени кулон. Камень висел на простом, кожаном, очень длинном шнурке.

– Наденьте, – приказал розовощекий Эрик.

– Что это?

– Защита. От всего, на что у меня хватило фантазии. И прежде всего – от ядов. Кстати, будет жечь – знайте – рядом отрава. Ведите себя осторожно. Ничего не ешьте, ничего не пейте, ни к чему не прикасайтесь! Вам понятно?

– Да. А… камень. Он – настоящий?

– Вы про изумруд?

Агата нерешительно кивнула. Господин барон посмотрел на нее с недовольным изумлением.

– Вы же не допускаете, что я мог использовать какую-нибудь подделку? На искусственно выращенные камни чары такого уровня просто-напросто не лягут. Это же не массовое производство кристаллов для экипажей!

– Но это очень дорого!

– Естественно! Подвеске цены нет, и вовсе не из-за камня, поэтому будет правильным, если вы ее спрячете и не будете никому демонстрировать.

– Господин барон!

– Эрик, – недовольно поморщился он. – Привыкайте. Иначе нас раскроют еще до того, как мы начнем.

– Эрик, – повторила она, словно пробуя на вкус. – Я…

– Госпожа Агата. Выслушайте меня, пожалуйста, внимательно. Важна лишь жизнь. А камни. Металлы… Деньги… Все это вторично.

– Но мне нечем с вами расплатиться, – прошептала она.

– Я, кажется, не давал вам повода…

– Простите. Пожалуйста, простите меня. Просто…

– Выезжаем в ночь, – холодно приказал он. – Едем через столицу. Заодно навестим вашего поверенного – у меня к нему ряд вопросов.

– А можно… – начала Агата, но осеклась, глядя в застывшее маской чужое лицо. Поднялась, держа кулон за шнурок, будто крысу за хвост.

– Вы – невозможная упрямица, – прорычал господин барон. – Наденьте сейчас же! И куда вы там хотели зайти еще? По столичным магазинам пройтись?

– Нет. К издателю. Хочу предложить готовую рукопись нашего последнего детектива.

Глава 9

Раскаленной иглой вонзалось в затылок: «Обернись! Обернись! Обернись!» Жар расходился по всему телу, а когда доходил до кончиков пальцев, бил нестерпимым холодом.

Ладони вросли в кристаллы управления.

«Расслабился, дурак! В отставку вышел! Отдых. Роман. Еще и девушку в это втянул, идиот! Забыл, что нормальная человеческая жизнь не для тебя?»

Дорога петляла взбесившимся серпантином. Преследователи чуть отстали. Резкий поворот – и машина вырвалась на относительно прямой участок. Жаль, пришлось сбросить скорость. Маневр стоил им нескольких минут. Но иначе никак – слишком опасно.

Будь он один – рискнул бы. Но он не один…

Потерял контроль, позволил себе небывалую роскошь – чувства. Отношения. Теперь он уязвим. До этого же как-то держался?! Дурак…

Он осмелился бросить взгляд на свою нечаянную спутницу и едва не потерял управление. Поистине, сегодняшняя ночь – ночь сюрпризов.

Девушка не плакала. Она была спокойна и собрана. А в руках… В руках у нее был огнестрел.

Вещица явно непростая – он уловил силу кристаллов. Но самым удивительным было вовсе не это, а то, что оружие было маленьким, если не сказать изящным, как раз девушке по руке. Одного взгляда достаточно, чтобы понять – работа военного артефактора. Очень высокого класса. Мастера своего дела. Кто-то сделал специально для нее? Мужчина почувствовал укол ревности, рука слишком сильно надавила на кристалл. Машину слегка занесло.

– Не отвлекайтесь, – хмуро порекомендовала девушка.

– И где было оружие? – вопреки тому, что ситуация была очень и очень серьезной, он не выдержал и улыбнулся.

– В сумочке, – в голосе смущение и досада. – Простите, что втянула вас в это.

– Вы на задании?

– Нет. Я – в отставке. А вы?

– Отпуск.

– И кто тогда за нами гонится?

– Не знаю. Я никого не узнал за эти два дня.

– Я тоже.

– Откуда это у вас? – Он кивнул на огнестрел.

– А, это… Расскажу потом.

Машина неслась вперед, кристаллы выхватывали искры серебряного дождя в ночи, рядом сидела очень симпатичная молодая женщина, крепко сжимая в руках оружие. Романтика…

Девушка сосредоточенно смотрела в одну точку и вдруг резко повернулась:

– А вам не приходило в голову, что дорога – одна. И если это не просто безмозглые грабители, то…

– Где-то впереди – засада?

– Именно.

* * *

– С вами все хорошо?

Агата вздрогнула. Очнулась.

– Не забыть бы, – пробормотала она, избегая смотреть в незнакомое лицо мужчины.

Эльза и Грон сидели на заднем сиденье мобиля. Черная с синим отливом шерсть, торчком стоящие ушки, смешная борода Грона, вечно подрагивающий от любопытства хвостик Эльзы – все это исчезло.

Низерцвейги стараниями артефактора превратились в валльских пастушьих собак. Золотистая волнистая шерсть, длинные хвосты. Ушки так же стояли торчком, но были более округлой формы. А глаза… Глаза остались прежними – четыре драгоценных кристалла, которые Агата за последнее время успела полюбить.

Удивительно, но она по-прежнему читала настроение своих новых друзей, слышала у себя в голове их мысли. Личина собак совершенно ей не мешала. Чего не скажешь об их хозяине. Новый образ барона раздражал.

– Вы придумывали вашу историю?

– Я? Да… – смутилась Агата.

Она вдруг заметила, что глаза у Эрика тоже остались прежними: серыми, внимательными. И стало легче. Она улыбнулась и ответила:

– Мои герои уходят от погони. Они даже не знают, за кем из них охотятся.

– Понятно.

– Скажите… Как можно остановить мобиль преследователей? Чтобы допросить?

– Пусть стреляют по передним кракам, – предложил Эрик, – самые крупные кристаллы управления в большинстве моделей встраиваются именно туда.

– Ночью? В мобиль, что несется на страшной скорости? Вы же знаете – кристаллы можно приглушить и мобиль в ночи почти не будет виден. Именно так поступают во время преследования преступников.

– «Страшная» скорость… – передразнил, потом задумался. – Гвозди по дороге рассыплют?

– Скажите, вот у вас есть в машине гвозди? – возмутилась писательница.

– У меня – нет. Но я и не спецагент под прикрытием.

Они уже въезжали в Лаутгард, когда Эрик вдруг проговорил:

– У кого-то из них может быть кристалл, испускающий свет. Если его установить грамотно – он ослепит водителя.

– Чтобы спровоцировать аварию! Замечательно!

Агата так искренне обрадовалась, что барону стало легче. Артефактора огорчала явная неприязнь женщины к выбранному им образу. По правде говоря, он считал эту личину приятной. Намного приятней себя реального.

Они остановились.

– Сначала к адвокату, – предложил он. – Потом пообедаем. Или наоборот?

– К адвокату, – кивнула Агата.

Город! Агата почувствовала, что все это время скучала по столичной жизни. Суета, новые фасоны шляпок, запах духов, кофе и свежих булочек. Утренний дождь смыл пыль с витрин, и маленькие магазинчики стали как будто еще наряднее.

– Пфффчир! Рррррррррр…

Агата обернулась. Эльза разглядывала свое отражение в луже, и оно ей явно не нравилось.

– Эльза… Эльзочка, это тяжело, я знаю, но потерпи. Ты все равно красавица! – Пальцы утонули в золотистой шерсти. Какая… мягкая!

– Эльза, что за капризы! Не забывай, пожалуйста, что ты на задании! – возмутился барон.

Эльза даже не взглянула в сторону хозяина. Разве мужчины смыслят что-нибудь в подобных делах? Агата улыбнулась, поискала глазами Грона.

Пес также рассматривал свой новый внешний вид в стекле витрины. Но он делал это скорее философски. Без лишних неконструктивных эмоций, к которым склонны женщины.

К полудню они дошли до адвокатской конторы.

– Госпожа фон Лингер! – преувеличенно радостно поприветствовал их невысокий, полноватый мужчина средних лет. Был он розовощек, гладко выбрит, однако его почти искренней улыбке явно не хватало уверенности. – Чем обязан?

– Я бы хотела уточнить некоторые детали по управлению семейными активами. – Агата опустилась на краешек стула. Сжала ручку сумочки.

– Ах, дорогая моя госпожа Агата! Зачем вам забивать свою прелестную головку такими несущественными мелочами. Вот ваш супруг, вернувшись…

– Минуточку! – остановила его женщина. – То есть вы не только в курсе того, что мой муж пропал, но также не сомневаетесь, что он жив и здоров. Людвиг собирается возвращаться?

Мужчина опустил глаза. Было видно, что разговор ему хоть и неприятен, но к только что выдвинутым в свой адрес обвинениям он не относится серьезно.

– Я понимаю ваше беспокойство…

– Вы в курсе того, куда исчезли наши семейные сбережения?

– Я бы очень хотел вам помочь, моя дорогая госпожа фон Лингер, но… Простите, меня связывает этика, – поверенный поднялся, давая понять, что разговор окончен.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – насмешливо проговорил Эрик, на которого до этого момента адвокат обращал внимания не больше, чем на еще один стул, – но в договоре о предоставлении услуг вашей адвокатской конторой написано, что вы представляете семейство фон Лингеров. И на бумаге – три подписи. Имущество у четы общее…

– Вы адвокат?

– Нет. Я охранник.

– Налицо конфликт интересов. – Адвокат налил воды, предложил гостье, получил отказ и выпил сам. – Необходимо дождаться господина Людвига и продолжить беседу втроем. Уверен, он все объяснит своей супруге.

– Вот что, – поднялась Агата. – Я обращусь в коллегию адвокатов с жалобой.

– Что?

– В ней я укажу, что поверенный нашей семьи прекрасно знал о местонахождении моего мужа, в убийстве которого пытались обвинить меня. Кроме того, он, по всей вероятности, покрывает тех, кто покушался на меня.

– Как покушался? Госпожа фон Лингер, что вы говорите такое?

– Меня пытались отравить. И велика вероятность, что это произошло из-за исчезнувших со счетов денег. Вам ведь известно, что сумма там была весьма внушительная.

– Еще можно привлечь прессу, – посоветовал из своего угла Эрик.

Поверенный без сил опустился в кресло.

– Господин Шольц, пожалуйста. Мне надо знать, во что нас всех втравил Людвиг, – как могла мягко проговорила Агата. – Если бы речь шла о благосостоянии – мы могли бы ждать… Но на кону – моя жизнь.

– Что вы хотите? – Шольц вытер шею платком.

– Ровно то, на что я имею право. Деньги со счетов.

– Хотите чаю? – вдруг спросил поверенный четы фон Лингер.

Агата и Эрик молча переглянулись. Когда же все уселись пить чай, Шольц заговорил менее официально:

– Людвиг слишком мягкий. Он всегда хотел, чтобы его любили в семье.

– Я это уже поняла, – невесело усмехнулась Агата. – Моей любви ему было мало…

Отчего-то эта фраза больно резанула господина барона.

– Увы, – поверенный опустил голову, – Людвиг всегда относился к тому, что его не принимает семья… слишком болезненно. И всегда хотел доказать им что-то. Сестре, брату…

– И особенно матери, – кивнула Агата.

– Да, особенно фрау Берте, что он достоин ее любви…

– Когда у нас не было больших денег и популярности на весь Отторн, все было намного проще. Тогда мы просто не интересовали семью Лингеров.

Эльза подошла и положила голову ей на колени. Агата погладила собаку.

– Деньги, – напомнил Эрик.

– Да, конечно, – не стал на этот раз спорить поверенный. – Все дело в том, что Людвиг отдал бол?ьшую часть сбережений своей сестре, чтобы устроить развод. Муж не давал разрешения. И ему было страшно неловко перед вами от того, что огромная сумма идет на содержание его родственников. Поместье в кредит… Конечно, можно было бы пересидеть без резких телодвижений и постепенно все выплатить. Ну, конечно, пришлось бы урезать содержание… хотя бы матери и племяннику. Но он не мог пойти на это.

– Мы помним, он жаждал, чтобы его любили в семье, – насмешливо откликнулся Эрик.

– Но тут его младший брат предложил ему вложиться в разработку магических кристаллов в Новом Свете.

– Что? – тут, похоже, удивился даже Эрик.

– Но ни мой муж, ни Ульрих… они же ровным счетом ничего не смыслят в добыче кристаллов. И… если месторождение в Новом Свете – значит, надо было ехать туда. Как-то все контролировать!

– Вы сейчас говорите слово в слово то, что сказал я, госпожа Агата. Но Людвиг увлекся этой идеей. Он придумал себе историю про то, что все будет прекрасно. Что он выйдет победителем. И…

– Вложил деньги. И не только свои, но и госпожи фон Лингер. Наследство, компенсацию за поместье от правительства. – Внезапно за личиной приятного

парня показался барон фон Гиндельберг.

Поверенный вздрогнул, но согласно кивнул:

– Ульрих был очень убедителен. А Людвиг слишком хотел поверить младшему брату. Он не смог сказать «нет».

– Конечно же, это была афера, – усмехнулся Эрик.

– Гигантская. Позже выяснилось, что под видом природных камней в Старый Свет шли искусственно выращенные кристаллы.

– Есть ли возможность вернуть хотя бы часть денег?

– Я работаю над этим.

– Но как можно было доверить деньги – да еще и такие огромные, – Агата оглядела мужчин в недоумении, – Ульриху? Он же совсем мальчишка!

– Ему просто выгодно, чтобы его таковым считали, – поморщился Шольц. – Талантливый мальчик, который вечно ищет себя!

– А вы так не считаете? – быстро спросил Эрик.

– Ему уже двадцать пять. Он не так уж и намного моложе Людвига или, скажем, меня. Несколько раз начинал учиться. Но… бросал. Устраивался на работу – тот же Людвиг хлопотал, – и нигде не продержался более трех месяцев. Ульрих не без таланта. Но как быстро загорается, так быстро и остывает. А еще категорически не умеет работать изо дня в день. Ему становится скучно.

– То есть вы хотите сказать, что младший брат господина Людвига был в курсе аферы? И просто воспользовался добрым отношением семьи Лингеров, чтобы раздобыть денег?

– У меня нет доказательств. Но исключать подобное я бы не стал.

– А участие в покушении на госпожу Агату?

– Ульрих? Нет… Не думаю.

– А сам господин фон Лингер?

– Да что вы такое говорите! – вскочила Агата. – Я…

Она пошатнулась, случайно задела чашку, та упала и разбилась.

– Госпожа фон Лингер! – Мужчины одновременно бросились к ней, но Агата вытянула руку перед собой и твердо сказала:

– Со мной все в порядке! Я… просто… Мне хочется на свежий воздух, если не возражаете. И не беспокойтесь, Эльза пойдет со мной.

– Я должен вас сопровождать.

– Эрик, пожалуйста. Я хочу побыть одна…

* * *

Агата выбежала на улицу, сделала несколько глубоких вдохов и, погруженная в свои мысли, зашагала прочь.

Азарт закрученных сюжетов… Финал запутанной истории, где все надо просчитать, чтобы не было «дыр», «затянутых» моментов. Постараться сделать так, чтобы интрига осталась не раскрытой до самого конца. Аккуратно разбросать смысловые «крючки» на протяжении всего текста. Возможность найти разгадку должна быть, иначе будет неинтересно. Но чтобы догадаться было практически невозможно!

Склоненные над листами головы, чуть ли не подпирающие друг друга. Скоро утро, сил нет даже на то, чтобы встать и заварить бодрящий чай. А в истории что-то не так. Что-то не нравится…

Они с Людвигом уже и посмеялись, и поругались, когда он швырнул листы, что встревоженными голубями разлетелись по комнате. Агата ворчала, бережно собирая результат их бессонной ночи. Муж высказывался, что все это – чушь полная. И надо переделывать…

Хорошее было время. Отчего-то они верили, что так будет всегда. Ну, может, чуть попроще, когда денег будет побольше. Она тратила все, что удавалось скопить, на травы. Бодрящий сбор – он помогает работать ночью. Сбор от головной боли, успокаивающий сбор. Все – для него. Чтобы он работал.

Так… привыкла заботиться о нем. Это же естественно. Как дышать. Никогда не задумывалась о том, сколько делала сама. Записывала то, что он рассказывал. Не перебивала, иначе у Людвига могло испортиться настроение, и тогда – все. Ждать нового вдохновения. А у них сроки.

Работа над текстом, портреты персонажей, характеры. Все записать. Перепечатать. Проверить. Перепроверить. Чтобы не было опечаток, повторов. Она редактировала книги сама, поэтому их новинки выходили всегда вовремя. Расходились тиражи мгновенно. И снова – чай, стенография, подготовка черновой рукописи, перепечатать, перепроверить…

Вдруг так ярко представилось, что она несет мужу чай. Ставит на стол. Он раздражен, потому что болит голова. Поджатые губы. Недовольное: «Оставь, не сейчас!» Мало заварить сбор. Надо еще заставить его выпить. Уговорить. Успокоить…

Он хоть раз сказал ей спасибо? Нет. Ни разу. Может, она и не заслуживала? Была слишком назойлива? Высокомерна? Он уже не любил? Чувства исчезли?

Даже если и так. Все равно. Людвиг не мог участвовать в покушении на нее. Нет.

Агата вдруг осознала это. И вздохнула спокойно. Пусть Людвиг затеял глупый розыгрыш и, как подросток, попытался просто сбежать от проблем. Пусть с ним рядом была другая женщина – наверное, с трепетом и восторгом воспринимающая все, что он изрекал. Агата в последнее время видела, что мужу этого не хватает, что он нуждается в искреннем восхищении именно со стороны домашних. Она чувствовала себя виноватой, потому что сама дать ему этого не могла: слишком критичный ум, слишком не мягкий характер.

Госпожа фон Лингер так задумалась, что не заметила, как они с Эльзой дошли до чайной лавки. Ну надо же! Казалось, что она просто бредет по городу в растрепанных чувствах, а на самом деле пришла туда, куда планировала. Четкость в действиях, мыслях, делах. Даже сейчас. Может быть, Людвиг сбежал от нее именно поэтому? Видимо, ей трудно понять по-настоящему творческого человека. А ведь она хочет самостоятельно написать книгу. Вдруг у нее ничего не выйдет? Нет таланта? Если книга будет скучной, то…

Приветливо тренькнул колокольчик.

– Госпожа фон Лингер! Как же я рада вас видеть! – выглянула хозяйка. – Давненько вас не было видно.

– Здравствуйте, Эви. Мы теперь переехали в поместье и достаточно редко бываем в столице.

– Вы позволите угостить вас чаем? Недавно привезли новый купаж, и мне бы хотелось услышать ваше мнение.

– С удовольствием.

Смуглая молодая девушка исчезла за занавеской из разноцветных стеклянных бусин. Агата бывала там. Бывший хозяин, дедушка Эви, господин Питт, когда еще был жив, приглашал ее в святая святых своей лавки – кладовую за занавеской из бусин. Они пили чай с печеньем, которое она специально пекла для их нечастых посиделок. Разговоры о чае. Книги, которые он ей давал, советы.

Мистер Питт умер два с половиной года назад. Скромные похороны, кладбище на окраине. Людвиг еще очень сердился – зачем она туда поехала. Подумаешь, умер хозяин чайной лавки! Но он был ей другом. Его сборы помогали. Людвигу же и помогали. Как же она раньше не замечала? Ее муж… не всегда вел себя достойно. А вот барон…

– Пчиф! Рррррррррррр…. – Эльза громко чихнула, смущенно прикрыв лапой нос.

Агата улыбнулась, присела, погладила мягкую, золотистую шерсть. В лавке пахло пряностями, травами. Для низерцвейга, обладающего тончайшим нюхом, наверное, тяжело тут находиться.

– Может, подождешь на улице? – предложила она собаке, и Эльза удалилась, одарив благодарным взглядом.

Звякнул колокольчик. Солнечный луч ворвался в приоткрытую дверь. Быстро, зная, что скоро исчезнет, пронесся по многочисленным пузырькам, расставленным по полкам.

Вернулась Эви с подносом. Девушка была чем-то похожа на своего деда. Те же ямочки на щеках. Приветливая, искренняя улыбка. Мистер Питт души не чаял в своей внучке. Учил всему, говорил, что лавку оставит ей. И не ошибся. Его дело живет, лавка, судя по всему, процветает.

– Вот, госпожа фон Лингер! Новый поставщик с островов. Уверяет, что чай, выращенный в горшочках из кристаллов лично артефактором, способен поднимать настроение!

– Но ведь кристаллы… это очень дорого?

– О, нет. Конечно, они не настоящие, но в землю подсыпают пыль от отработанных настоящих пород, этого достаточно. И потом подобные купажи действительно не дешевы! Попробуйте!

– Как интересно… Мне как раз не помешает, наверное…

С каждым новым глотком ароматного чая уходили горечь и отчаяние. Это был… запах надежды! На сердце становилось спокойнее: скоро она раскроет все тайны и сможет справиться со всеми сюрпризами, что приготовила ей судьба.

– Чай чудесный! Думаю, вас не обманули, Эви. Купаж неплохой – собачьи ушки, лунный волос и земляника. Основа – зеленый чай. Именно его вырастили артефакторы, если я правильно понимаю?

– О, госпожа Агата! И как это вам удается? Вы все ингредиенты назвали, а сделали всего пару глотков! Вам надо написать книгу о чае!

– Я подумаю, – госпожа фон Лингер улыбнулась. – Скажите, Эви, не случалось ли вам помогать артефакторам приходить в себя после экспериментов?

– Конечно! Как раз Генрих и обращался ко мне! Артефактор, что придумал выращивать чай… А настроение у вас поднялось, госпожа Агата?

– Да! И это удивительно!

– Вот видите! Я скажу Генриху. То-то он обрадуется!

– Передайте, пожалуйста, мои комплименты. Так как на счет артефакторов?

– Артефакторы теряют много крови во время работы. Вот Генрих, он…

– Генрих – ваш жених?

– От вас ничего не скроешь, госпожа фон Лингер. – Девушка покраснела, ее смуглая от природы кожа не спасла положения. – А как вы догадались?

– Это все волшебный чай вашего Генриха. Так как на счет сбора для артефакторов, Эви?

– Простите меня… Все болтаю, болтаю! Сейчас принесу!

Агата внимательно читала состав сбора, прикидывая, сколько это может стоить. Редкий состав, но очень грамотный – медвежья кровь, коралловый мох, плоды яшника, листья северной плакуньи. Вот только на вкус это должно быть…

– Скажите, а он не горький?

– Не то слово, госпожа фон Лингер! Но вы возьмите сахарный вереск – с ним намного приятней. Генрих говорит, что, зажмурившись, пить можно.

– Думаю, можно добавить апельсиновых корок и кору шоколадного дерева… А ему помогает?

– Да, госпожа Агата. Намного лучше ему стало!

– Эви… Заверните мне, пожалуйста, этот сбор, сахарный вереск, апельсиновые корки и несколько палочек шоколадницы. Только… Запишите на мой счет. У меня сейчас нет, но…

– Конечно, госпожа Агата, конечно! А чай, что вы пили, я вам тоже заверну. Это вам подарок от нас с Генрихом. Вам ведь понравился?

– Очень. Спасибо! У нас в поместье сосед. Артефактор. Чудесный, редкой души человек. Только очень бледный. У него много работы…

Сзади раздалось деликатное покашливание. Агата обернулась и потеряла дар речи – барон стоял прямо у нее за спиной. Как же он вошел? Она не слышала дверной колокольчик, и… как давно он тут? Женщина покраснела, а Эви продолжала щебетать, как ни в чем не бывало:

– Не волнуйтесь. Поправится сосед ваш. Вон мой Генрих – румянец, что гранатовый сок… Ой, что же это я? Госпожа Агата, совсем забыла вам сказать! Кроме трав… Надо обязательно пить гранатовый сок. Я сейчас вам дам адрес. В этот магазин его доставляют с южных границ империи Волин. Не переживайте, госпожа Агата – не подделка, не вода крашеная! Я Генриху только там и покупаю. Вот, возьмите.

– Спасибо, Эви…

– Добрый день, господин. Что желаете? Это ваши собаки? Валльские пастушьи такие милые! Жаль у меня нет косточки… А вы зайдите к мистеру Эбби, вверх по улице – у него только свежее мясо, не сомневайтесь! И косточка всегда найдется! Давно в наших краях?

Агата бросила умоляющий взгляд на барона, и он приветливо заговорил с хозяйкой лавки, стараясь ее не выдать. Эльза же подыграть отказалась. Собака, широко улыбаясь, демонстративно вышла вместе с Агатой на улицу.

– Предательница, – добродушно буркнула женщина, погладив вытянутую острую мордочку валльской пастушьей, – и что тебе не нравится в твоей новой внешности? Красавица!

* * *

– Жозефина, детка, я тебя умоляю! – Хозяин издательского дома приложил пухлые пальцы к вискам, страдальчески качая головой.

Крошечная палевая собачка на столе лаяла, визжала и скулила одновременно. На лысом подрагивающем тельце красовалась клетчатая манишка, в тон шейному платку самого мужчины.

И как только Агата забыла про любимицу господина фон Бикка – Жозефину-Розалинду?! Стоило собачонке учуять Эльзу и Грона, которые, по требованию секретаря, остались в приемной, как она подняла гвалт. Вести в подобной атмосфере переговоры возможным не представлялось.

Бывшему канцлеру, который занял место в углу и слился с обстановкой, все это порядком надоело.

– Вы позволите? – спросил он у хозяина кабинета.

Тот кивнул, признавая полную беспомощность.

Эрик подошел к столу, посмотрел в глаза беснующемуся зверьку. И приказал:

– Сядьте и замолчите!

К удивлению и облегчению Агаты и господина фон Бикка, Жозефина-Розалинда послушалась и замерла.

– Надеюсь, мое сокровище не погрузится в депрессию от подобного бесцеремонного обращения? – Хозяин издательского дома вынул из кармана платок и промокнул вспотевший лоб. – С вашей стороны, госпожа Агата, было очень некорректно являться ко мне в сопровождении других собак.

Мужчина бережно отнес Жозефину-Розалинду в кресло, поправил бархатную подушечку, манишку и вернулся к посетителям.

– Прошу прощения, господин фон Бикк, но обстоятельства сложились таким образом, что меня охраняют.

– Да. Я что-то слышал о том, что Людвиг исчез. Госпожа Агата, вы не могли бы поговорить с кем-нибудь, а? Пусть ваш супруг задержится еще месяца на три! Уговорите его! У нас просто замечательно расходится дополнительный тираж! Конечно, если бы он погиб, тогда мы бы приурочили новость об этом к выходу новой книги! Продажи будут… А если фон Лингер после этого еще и воскреснет, вот тогда…

Агата сжала зубы, чтобы ничего не ответить… Вообще ничего. Потому что все, что она хотела произнести, не должна говорить дама из приличной семьи, к тому же финансово она сейчас была унизительно зависима от этого мерзкого человека с его премерзкой собачонкой. Как его только Людвиг терпит?

Супруга господина фон Лингера глубоко вздохнула, сжав ручку сумочки с такой силой, что та чуть было не оторвалась.

– Надеюсь, вы принесли рукопись? Она дописана? Давайте ее сюда!

Агата достала рукопись и протянула господину фон Бикку. Тот перелистал несколько страниц, заглянул в финал, усмехнулся и уставился на женщину, словно удивляясь, что она еще тут, в его кабинете.

– Я извещу вас о сроках выпуска книги, – проговорил он недовольно. Убрал рукопись в стол. Взял на руки собачку, которая, казалось, потеряла голос, и отвернулся от визитеров.

– Прошу прощения, господин фон Бикк, – поднялась Агата. – Но мне известно о ваших договоренностях с Людвигом. Равно как и о сумме, которая должна была поступить на наш счет за эту книгу.

– Госпожа фон Лингер, мои договоренности с вашем мужем в силе. Но, простите, при чем тут вы?

Дверь тихонько скрипнула, и огромные золотистые собаки бесшумно вошли в кабинет. Жозефина не издала ни звука. Эльза и Грон подошли к хозяину издательского дома, легли с двух сторон и с интересом уставились на господина фон Бикка.

– Но я же могу пойти вам навстречу, моя дорогая госпожа фон Лингер, и выписать вам аванс, – побледнел хозяин кабинета.

– Я была бы вам очень признательна, – склонила голову Агата.

– Скажем…

И он написал на листочке сумму – ровно в четыре раза меньше, чем было договорено.

– Сожалею. – Ногти вонзились в ладони, раздирая кружевные перчатки. – Но это – не та сумма, на которую я рассчитывала.

– Думаю, остальную сумму я выдам Людвигу. Или его поверенному, если с нашим любимым автором что-то случилось.

– Увеличьте сумму вдвое, – раздался тихий, но уверенный голос барона. – Остальные деньги – по выходу книги. Пришлете чек с нарочным в поместье госпожи Агаты.

– Как скажете, – вдруг совершенно миролюбиво ответил господин фон Бикк. – Госпожа фон Лингер, с вами приятно иметь дело.

Агата переводила взгляд с одного мужчины на другого. Честно говоря, она ожидала, что после ее возражений хозяин издательского дома просто прикажет им покинуть кабинет. И не станет ни слушать, ни разговаривать. Казалось бы, проблема решена, но…

Агата чувствовала себя униженной. Столько работы над последней рукописью, к которой ее муж имел уже очень поверхностное отношение. Все предыдущие книги они писали вместе, а ее как будто нет! Есть только господин фон Лингер.

– Хочу заметить, – прервал ее мысли голос господина фон Бикка. – Мы крайне заинтересованы в сороковой книге про агента фон Церга. И нам все равно, кто именно принесет эту книгу: вы или ваш супруг. Мы готовы будем заплатить…

И он написал на следующем листочке сумму, которая понравилась даже господину барону.

– Скажите, – решилась Агата. – А если история будет остросюжетная, со шпионскими страстями. Но… от имени другого персонажа?

– Дорогая моя, не надо ничего выдумывать! Ни вам, ни вашему мужу! Зачем? Вы нашли свою золотую жилу, я готов платить деньги – ну что вам еще надо? Люди любят агента фон Церга? Вот и пишите про агента фон Церга!

– То есть вы хотите сказать, что если я принесу вам новую рукопись, то…

– Если вы принесете мне новую рукопись об агенте фон Церге от имени вашего мужа – я ее приму. И заплачу. Мне ведь, знаете, все равно – вы это пишете или ваш муж! Но если вы принесете мне какую-нибудь отсебятину – я не буду тратить на это свое время. Время – деньги, моя дорогая госпожа Агата!

– А если «отсебятину», как вы выражаетесь, принесет вам мой муж?

– Честно скажу, новая рукопись об агенте фон Церге меня обрадует гораздо больше… Но – я посмотрю. Все-таки это фон Лингер! Что бы он там ни придумал – книга разойдется. Но если успеха не будет, второй раз я рисковать не стану. Что на вас нашло, моя дорогая? Нет, если вы пишите – пишите! Только не вздумайте менять имя! Людям нужен фон Лингер!

– Но ведь когда-то они его не знали. Верно?

– Верно! И вам страшно повезло, что когда-то я пошел вам навстречу!

– Повезло не только нам, господин фон Бикк… Но и вам!

– Согласен. Но я все сказал. Выкиньте всю эту чушь из вашей прелестной головки, госпожа фон Лингер, мой вам совет! Вы еще женским именем

назовитесь, вот будет потеха! – И господин фон Бикк засмеялся, вытирая маленькие глазки накрахмаленным платочком.

* * *

Эрик и Агата ехали молча.

Низерцвейги лежали на заднем сиденье с плохо скрываемым возмущением в глазах. Какая чудовищная несправедливость! Даже Грон, чьи взгляды на женский пол были, в общем-то, традиционны, на этот раз был целиком и полностью согласен с Эльзой. Безобразие!

* * *

Господин фон Бикк решил прогуляться до дома пешком – полезно для здоровья. Он любил пройтись по хорошей погоде в конце рабочего дня. Обсудить с Жозефиной-Розалиндой последние события:

– Ну сама посуди, Жоззи! Новая рукопись от женского лица! Кому это нужно? Никто не будет читать женщину, это исключено! И не смотри на меня так, я же не тебя имею в виду!

– С кем это вы спорите, господин фон Бикк?

Навстречу, придерживая шляпку, шла пожилая дама с валльской пастушьей собакой.

– Госпожа фон Люминг! Марго! Добрый вечер, добрый вечер… Да вот, философствуем с Жозефиной-Розалиндой. Чудесный вечер, не находите?

Жозефина-Розалинда и Марго раскланялись. Они жили на одной улице и весьма терпимо относились друг к другу. Можно сказать, приятельствовали.

– Ваша правда, господин фон Бикк, – улыбнулась старушка.

– Удивительно, Жозефина-Розалинда никогда не лает на вашу Маргарет. Сегодня у меня были посетители с двумя валльскими пастушьими, правда, намного крупнее. Так Жоззи такой скандал подняла!

– Быть такого не может, господин фон Бикк! Литтл-херриганы не любят низерцвейгов, а к валльской пастушьей относятся вполне миролюбиво. Мой племянник занимается собаками, уж я-то знаю! Да и валльская пастушья крупнее быть просто не может! Наверное, это были не породистые собаки, без родословной!

– Может быть, госпожа фон Люмминг, может быть…

Мужчина задумался. Попрощался. С большим трудом присел, взял собачку на руки и направился к дому.

– Значит, Жозефина-Розалинда, ты не любишь низергцейгов? Я тоже их не люблю, мое сокровище. Зато мы с тобой любим печеночный пудинг! А? Ты не против печеночного пудинга, Жоззи?

Глава 10

– Аккуратнее! Аккуратнее грузи!

Эрик мрачновато поглядывал на суетящихся возле мобиля лавочника и его подручных. Должно быть, Агата скупила все кувшины с гранатовым соком, что были в магазинчике. Перевел взгляд на женщину, что замерла на переднем сиденье. Если бы не собаки, не проявляющие никакого беспокойства, он бы поклялся, что она не дышит. Как в тот злополучный вечер…

От подобных мыслей холод пробежал по позвоночнику, личина начала таять. Барон поймал на себе остолбенелый взгляд мальчишки, что грузил вместе с лавочником сок, и мгновенно взял себя в руки. Еще не хватало, чтоб все это богатство кровавой лужей разлилось посреди дороги.

Бывший канцлер испытывал двойственные чувства. То, что женщина так реагирует на любое упоминание о своем муже, определенно выводило его из себя. То, что все эти кувшины с гранатовым соком – забота о состоянии его здоровья, наполняло теплом и необъяснимой радостью.

Но если бы это было все… Что-то подсказывало артефактору, что полезный и, кстати, недешевый продукт покупается для того, чтобы он, а не кто-нибудь другой его пил. Возникает вопрос: как быть с тем фактом, что он с детства ненавидит этот… гранатовый сок? Может, удастся незаметно вылить Грону в миску?

Взгляд упал на переливающуюся в закатных лучах золотистую шерсть валльской пастушьей. Грон выразительно помотал головой, что означало: «Даже не думай!»

Настроение упало окончательно. Агата думает о муже, друг не собирается его спасать, а тут еще и дождь – первые редкие капли заставили собак встать.

– Погода испортилась, – резко бросил Эрик, подходя к мобилю. – Дождь. Я как-то не подумал о том, насколько быстро темнеет в ноябре.

– И вы устали… – безжизненно отозвалась Агата.

– А вы – нет? – еще больше рассердился он.

– И я. Тоже. Устала…

– К тому же нам надо поесть. Ночевать останемся в столице.

Агата кивнула.

Ему вдруг нестерпимо захотелось вытащить ее под ледяные капли дождя, встряхнуть, закричать: «Он не стоит твоих переживаний! Слышишь? Не стоит!»

Грон предупреждающе рыкнул. Кто-то кашлянул за его спиной:

– Мы закончили, господин!

Мальчишка, помощник лавочника, смущенно мял картуз. Эрик молча протянул ему несколько монеток.

– Не извольте беспокоиться! – поклонился мальчишка. – Мы все упаковали так, что ни один кувшин не разобьется!

Мальчишка и лавочник улыбались, кланялись, желали счастливого пути и крепкого здоровья. Еще бы! Они ж полугодовой запас этой кислятины разом продали. Ее, наверное, и не берет никто. Только те, кто очень-очень хочет поправить свое пошатнувшееся здоровье.

– Вы… чем-то расстроены? – спросила Агата.

– Ну что вы, нисколько. Возьмите вот это и приколите к воротнику. – Барон извлек из бокового кармана булавку с небольшим зеленоватым камнем.

– Что это?

– Личина. Слабенькая, но, чтобы зайти в гостиницу неузнанной и покинуть ее спокойно, вполне хватит.

– У меня…

– У вас нет денег, Агата. Я это знаю. Беру все расходы на себя и не желаю слышать ваших возражений. Это понятно?

– Да…

Агата замолчала. Довольно долго они ехали молча, и только когда мобиль выехал на центральную улицу, ведущую к Триумфальной площади, тихо проговорила:

– Как вы думаете, он так разговаривал со мной потому, что я – женщина?

Барон фон Гиндельберг не сразу понял, что она имеет в виду. Откуда же ему знать, как и почему с ней разговаривал муж? Потом, поворачивая налево, к

гостинице, пропуская встречные мобили, сообразил:

– Вы… о хозяине издательства?

Сзади послышалось недовольное рычание. Эльза даже слышать не хотела ни об издателе, ни о его бестолковом литтл-херригане.

– Конечно. О ком же еще?

– Это он вас вогнал в такую тоску?

Агата смущенно кивнула.

– Поставьте себя на его место. У него есть деньги. И он намерен их приумножить. Люди для него – что мужчины, что женщины… Только инструменты. Те, кто пишет послушно про то, что хорошо продается – приносят неплохой доход. Значит, их нужно любить. Вежливое обращение с ними – с пользой проведенное время. Другие же… Сами понимаете – зачем тратить время и ораторское искусство на тех, кто не принесет денег?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tur_tereza/ona-napisala-lyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить